БИБЛИОТЕЧКА
ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. МЕБЕЛЯ, В. НЕВСКОГО И С. ПИОНТКОВСКОГО

ГИ46
Э835р

Д. ЭРДЭ

ФЕВРАЛЬ КАК ПРОЛОГ ОКТЯБРЯ

ДВОУ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОЛЕТАР»

БИБЛИОТЕЧКА ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. МЕБЕЛЯ, В. НЕВСКОГО и С. ПИОНТКОВСКОГО

ГИЧБ
Э 835 Р

Д. ЭРДЭ

ФЕВРАЛЬ КАК ПРОЛОГ ОКТЯБРЯ

3 2к3.

ДВОУ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАР"
1931

Библиографическое описание этого издания помещено в „Літописі Українського Друку", „Карточном Репертуаре" и др. указателях Украинской Книжной Палаты

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

Напеч. во 2-й тип. „ДВОУ УПП"
Харков, Пушкинская ул., 40
Тир. 10.000 — $3^3/_8$ п. л.
Укрлит № 1296/ДП
Зак. № 691

ГИ46
Э 835 Р

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

(3500/31) 13443

3265/36 с 1.

794478

I. Исторические истоки Февраля.

Новое после революции 1905 г.

Февральскую революцию 1917 года нельзя рассматривать отдельно от ее предшественницы — буржуазно-демократической революции 1905 г. и от всей последующей эпохи. „Февраль" был подготовлен революцией 1905 — 1907 гг. и дальнейшим периодом реакции, подъема и мировой войны.

„Без революции 1905 — 1907 годов, без контр-революции 1907 — 1914 годов,— писал Ленин,— невозможно было бы такое точное „самоопределение" всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в восемь дней февральско-мартовской революции 1917 г." [1]

Ликвидаторы-меньшевики стояли на открытой правоопортунистической позиции, полагая, что основные факторы, лежавшие в основе революции 1905 — 1907 гг. сняты будто бы последующим развитием событий и изменением характера русской монархии. Но и „ликвидаторы наизнанку", ликвидаторы „слева" скатывались к оппортунизму, поскольку они отрицали необходимость переорганизации рабочего класса и его партии

[1] Ленин, собр. соч., т. XX, 2-е изд., стр. 14.

в связи с новыми сдвигами и тенденциями в развитии государственного строя России и тем самым обезоруживали рабочий класс на новом этапе движения.

Большевики в отличие от всякого рода ликвидаторов утверждали, что в послереволюционную эпоху, в эпоху после 1905 — 1907 гг. продолжают действовать „о с н о в н ы е факторы, вызвавшие революцию 1905 года", что „старые задачи" являются вместе с тем задачами и новой революции, но, конечно, в иной политической и социально-экономической обстановке.

Старые проблемы — демократическая республика, восьмичасовой рабочий день, конфискация помещичьей земли — сохранили свою актуальность и жгучую остроту, ибо ни одна из них не была решена ни во время, ни после революции 1905 г. Но на новой полосе потребовались новые приемы решения старых проблем: нужно было, сохраняя и укрепляя подпольную партийную организацию и отстаивая ее революционный характер в борьбе с ликвидаторством всякого рода, отказаться в то же время от старобойкотистских методов борьбы, рожденных в условиях революционного Sturm und Drang'а,[1] нужно было пойти в „хлев" — в III Думу, чтобы с высоты этой куцой парламентской трибуны найти доступ к новым рабочим слоям и вообще использовать так называемые „легальные возможности" для подготовки революционного взрыва в более или менее близком будущем. Такова была позиция большевизма в послереволюционную

[1] На бойкотистской позиции продолжали оставаться тогдашние „левые" большевики (будущие „впередовцы"), ошибку которых по данному вопросу разделял, как известно, и Л. Б. Каменев.

эпоху, вплоть до империалистической войны, когда в эту позицию были привнесены новые дополнительные элементы.

Чем характеризовалась новая полоса в 1907 — 1910 и последующие годы?[1]

Крепостническое самодержавие на ущербе.

Общеизвестно, как Ленин оценивал тенденции в политике самодержавия на протяжении новой полосы, тенденции роста в направлении к буржуазной монархии, и как он связывал это новое с аграрной политикой Столыпина и переворотом 3 июня — созданием всероссийского, хотя и урезанного в правах, представительства крупной буржуазии и помещичьих слоев в Государственной думе. Самодержавие пошло на эти реформы не по доброй воле, конечно, а в силу экономического развития России. Оно попыталось приспособить к своим нуждам и классовым интересам бурный процесс капитализации деревни и вместе с тем само вынуждено было приспособляться к этому процессу, видоизменяя на ходу свое прежнее социальное содержание. „Старое крепостническое самодержавие разлагается" — так характеризовала партийная конференция в декабре 1908 г. своеобразие момента.

Разложение старого самодержавия и процесс его обуржуазивания, хотя и далеко не завершенный вплоть до Февральской революции, не могли, конечно, не вызвать социальных сдвигов и изменений в соотношении

[1] По избирательному закону 3 июня половина мест в Государственной думе была предоставлена помещикам; в городе были образованы две курии — отдельно для домовладельцев и для „прочих".

классовых сил в стране. Столыпинские аграрные законы означали не только ставку на кулака. Расслоение деревни должно было повысить товарность деревни, увеличить резервы рабочей силы (на основе пролетаризации деревни, обезземеливания беднейшей части крестьянского населения), расширить внутренний рынок. „Крепостнический режим, теряющий свойства исключительно крепостнического"—так определял Ленин столыпинский режим. [1]

Под давлением, главным образом, промышленного капитала „Столыпин вступил на революционный путь".

Потерпев неудачу с дальневосточной авантюрой и не получив новых внешних рынков, буржуазия, как никогда, остро чувствовала потребность в достаточно емком внутреннем рынке, в „развязывании" капиталистической стихии, товарно-капиталистических отношений.

Столыпин своим законом 9 ноября 1906 г. (о выходе из общины на отруба и хутора) и другими законами, действовавшими в этом же направлении, ломал старое полукрепостническое землевладение. Ленин именно это имел в виду, когда писал в статье „Новая аграрная политика" (1908 г.), что „Столыпин и помещики вступили смело на революционный путь, ломая самым беспощадным образом старые порядки, отдавая всецело на поток и разграбление помещикам и кулакам крестьянские массы". [2]

Старый строй был исторически обречен на слом. „Капитализм уже бесповоротно подорвал все основы

[1] Ленин, собр. соч., т. XII, ч. I, стр. 138.

[2] Ленин, собр. соч., т. XI, ч. I, стр. 18.

старого аграрного строя,— писал Ленин в этой же статье.— Он не может развиваться дальше, не ломая этого строя; и он сломит его неминуемо и неизбежно, нет такой силы на земле, которая могла бы помешать этому".

Аграрная революция 1905—1906 гг. была попыткой крестьянской ломки старины — она окончилась неудачей. Но „Столыпин правильно понял дело: без ломки старого землевладения нельзя обеспечить хозяйственного развития России".

Другими словами, Столыпин вступил на путь помещичьей ломки старины. И нельзя сказать, что безуспешно. В 1907 г. столыпинским законом воспользовались, правда, только 212 тыс. крестьян: надежда на возможность непосредственной крестьянской ломки землевладения в эту пору еще не иссякла. Но в 1908 г., с окончанием революции, о выходе из общины заявили уже сразу 840 тыс. человек; в следующем году.— 649 тыс. и далее — по убывающей линии — 342 тыс., 242 тыс., 152 тыс. До 1905 г. в России было, главным образом в западных и южных губерниях, 2,8 миллиона подворников; после революции к ним прибавилось новых 2 миллиона подворников, оставивших общину. В общем Столыпину удалось на треть сломать старую „дедовскую" общину, так сильно стеснявшую развитие капитализма в деревне, и тем самым вызвать еще небывалый темп диференциации деревни.

Обезземеливание крестьян находит яркое отражение в данных о купле-продаже надельных земель. Вот цифры: в 1907 г. было продано 28.406 *га*, в 1908 г.— 171.529 *га*, в 1909 г. — 407.517 *га*, в 1910 г.— 572.491 *га*,

в 1911 г.—582.324 *га*, в 1912 г.—710.151 *га* и т. д. К началу войны обезземеленными оказались 30% крестьян, выделившихся на хутора и отруба. Это было следствием капитализации деревни. Крестьяне-бедняки раскрестьянивались, становились рабочими, шли в город на фабрики и заводы, благо промышленность в это время нуждалась в притоке свежей рабочей силы. Сильно вырос в это же время и на основе тех же социальных сдвигов в деревне внутренний рынок промышленных и сельскохозяйственных товаров. Увеличилось, например, душевое потребление сахара — с 3,4 *кг* в 1895/96 г. до 7,7 *кг* в 1912/13 г.; увеличился сбыт кровельного железа, сельскохозяйственных орудий и т. д. Промышленный капитал все более сознавал свою силу и роль в реформирующейся монархии — и все больше отходил от „бессмысленных мечтаний", навеянных предреволюционной „весной". Реакционный перелом в настроениях известных слоев интеллигенции, нашедший в частности отражение в сборнике „Вехи", был, несомненно, тесно связан со всем политическим курсом столыпинщины, своеобразно сочетавшей классовые интересы торгового и промышленного капитала. Буржуазная интеллигенция была, конечно, рупором своего класса и с готовностью занималась фабрикацией нужной ему идеологии. Эту же эволюцию вправо можно без труда проследить и внутри помещичье-буржуазной партии „народной свободы" (кадеты) и в еще большей степени внутри другой, более правой партии — партии октябристов, отражавшей интересы крупных капиталистических помещиков. Обе эти партии, особенно кадеты, превращались, по

мере роста финансового капитала в России, концентрации промышленности, роста монополий, сращивания банковского капитала с промышленным,— в партии русской империалистической буржуазии, которой суждено было сыграть особенно видную роль в годы мировой войны.

„Последний клапан".

Столыпинщина могла похвастать, как мы видели, некоторым успехом. Но этот успех не был ни полным, ни решающим. Представители торгового и промышленного капитала хотели совместными усилиями устранить условия, породившие, как они говорили, „безумный год" (1905 год), они хотели предотвратить грядущую революцию, но эта задача была им не по-плечу.

„Струве, Гучков и Столыпин из кожи лезут вон, чтобы „совокупиться" и народить бисмарковскую Россию,— писал Ленин,— но не выходит. Не выходит. Импотентны. По всему видно, и сами признают, что не выходит". [1]

„Отсрочка" старому порядку и старому крепостническому земледелию, данная Столыпиным,— писал Владимир Ильич в другом месте, в статье „Последний клапан" (1912 г.),— состоит в том, что открыт еще один и притом последний клапан, который можно было открыть, не эксплоатируя всего помещичьего землевладения". Но, добавлял Ленин, „нужны десятилетия и десятилетия таких же периодических голодовок, чтобы мучительно вымерла масса теперешних хозяйств, для „успеха" столыпинской реформы, т.-е. для создания установившегося буржуазного строя обще-

[1] Ленин, собр. соч., т. XI, ч. I, стр. 373.

европейского типа в нашей деревне. А в настоящее время, после шестилетнего испытания столыпинской „реформы“ и шестилетних „блестящих“ прогрессов числа „укрепивших землю“ и т. д.,— не может быть ни малейшего сомнения в том, что эта реформа кризиса не устранила и устранить не может“.

Отсюда было ясно, что из двух возможных типов развития России надо было попрежнему, с учетом всего н о в о г о, отстаивать „французский“, а не „прусский“ тип развития; нужно было попрежнему готовить „французскую хорошенькую передрягу“. Из этой общеполитической установки партии вытекала, конечно, и определенная тактика. А именно: с ликвидаторами, тянувшими в сторону „прусского“ типа развития, надо было окончательно разойтись,— и все послереволюционные годы заполнены кипучей борьбой за партию борьбой с ликвидаторством и своеобразным примиренчеством к нему (троцкизмом). После ряда слияний и расхождений большевиков и меньшевиков первые окончательно оформляются в самостоятельную партию (на Пражской конференции в январе 1912 г.); что касается меньшевиков-ликвидаторов, то они, при самом активном участии Троцкого, делают в это время попытку сколотить против большевиков беспринципный так называемый „августовский блок“ (1912 года), но безуспешно: вскоре после своего образования блок распадается на составные части. Отныне пути большевиков и меньшевиков идут раздельно, не сливаясь больше ни в одном пункте.

Бурный рост и концентрация русской промышленности в 1909 — 13 гг. и связанный с этим количествен-

ный и качественный рост рабочего класса, а также „чистка" партии от ликвидаторских и примиренческих элементов, налипших на ней в годы реакции,— все это немало содействовало тому, что партия именно в эти годы, как никогда раньше, сумела найти доступ к широкой рабочей массе и собственно только в эти годы становится впервые подлинно массовой партией рабочего класса.

Партия становится во главе руководства такими массовыми движениями, как борьба за неурезанные лозунги страхового движения, стачечное движение 1911 г. и особенно 1912 г. (после ленского расстрела).

В период подъема 1911 — 1913 гг. партия воспитывает и выковывает новые тысячи ленинцев из числа рабочих, группирующихся вокруг большевистской фракции Государственной думы и особенно вокруг большевистских массовых легальных газет „Звезда" и „Правда". „Правда" выходила с 22 апреля 1912 г. почти без перерыва до 8 июля 1914 года и тираж ее достигал 150 тысяч экземпляров.[1] Не даром вся эта эпоха вошла в историю революционного движения под именем эпохи „Звезды" и „Правды".

Русский империализм.

Концентрация промышленности, монополии, возникновение финансового капитала в России имели своим следствием, как уже указывалось, изменение „качества" русской буржуазии, быстро перераставшей в империалистическую буржуазию. На ряду с этим, на той же экономической основе, менялось, конечно, и „качество"

[1] Укажем для сравнения, что тираж меньшевистского „Луча", выходившего одновременно с „Правдой", не превышал 15 — 25 тысяч.

русского рабочего класса, степень его политической выучки, организованности, концентрации в определенных индустриальных районах.

Росту промышленности в России немало содействовал, как известно, приток иностранного капитала в конце прошлого века, особенно после введения золотой валюты (в 1897 г.). В то время, как с 50-х до начала 90-х годов (до 1892 г.) основной капитал русских акционерных предприятий возрос на 919 млн. руб., за одно лишь десятилетие (последнее десятилетие XIX в.) этот же капитал увеличился на 2,1 млрд. рублей, при чем в это десятилетие в Россию притекло не менее $1^1/_2$ млрд. иностранного капитала.

Рост промышленности сопровождался, как уже указывалось, ее концентрацией. Этому способствовала десятилетняя промышленная депрессия 1899 — 1909 гг., особенно обострившаяся после революции 1905 г. Кризис привел к крушению многих мелких и отчасти средних предприятий. Так, если в 1901 — 1904 гг. было ликвидировано 16 машиностроительных и механических акционерных предприятий с основным капиталом в 7.254 тыс. руб., то в 1905 — 1909 гг. было ликвидировано 10 предприятий, но с капиталом в 12.455 тыс. рублей.

В 1904 г. на одно предприятие в России приходится в среднем 99 рабочих, в 1910 г. — 124. [1]

В годы кризиса возникают синдикаты, в том числе такие мощные, как Продуголь и Продамета. Гольдштейн, например, указывает, что в 1913 г. было 87 син-

[1] Материалы по статистике труда, вып. VIII, 1920, под ред. Струмилина.

дикатов. Монополизированный капитал, пользуясь депрессией, наступает объединенным фронтом на рабочий класс. По утверждению И. И. Литвинова, заимствованному им у Финна-Енотаевского, Струмилина и ряда других авторов, „во многих отраслях промышленности в 1909 и 1910 годах положение рабочих было хуже, чем в дореволюционное время". [1]

Хотя рабочий класс в период застоя не мог оказать достаточно сильного сопротивления наступлению капитала, однако, именно в этот период, в условиях концентрации русской промышленности, он начинает в своей массе сознавать роль партии и усиливает подготовку к грядущей революции. „Депрессия в известной мере подготовляла предпосылки для успеха пролетарской революции и национализации крупной промышленности" (И. Литвинов). В этом смысле „ускорителем революции" была, собственно, не лишь мировая империалистическая война, но и предвоенная эпоха, вызвавшая небывалое обострение классовых противоречий.

При всем этом влияние войны надо, конечно, особо выделить как фактор чрезвычайной важности.

Еще до войны русские банки, втянутые в мировую систему финансового капитала, становятся филиалами (отделениями) англо-французских и в меньшей степени германских банков. Все банки на территории России, за исключением одного (Волжско-Камского), переходят фактически в руки иностранцев. Русский финансовый капитал становится „дочерним" по отношению к за-

[1] И. Литвинов—„Экономические предпосылки Октябрьской революции", 1924, стр. 26.

правилам Антанты. К 1914 г. 48,7% акционерного основного капитала находилось в руках иностранного финансового капитала. Контроль банкового капитала над русской промышленностью исчисляется к этому же моменту в сумме 8.235 млн. руб. Из этой суммы на долю французских и подчиненных им русских банков приходится 55%, на долю немецких — 35% и английских — 10%. Из 585 млн. руб. капиталов русских коммерческих банков на 1 января 1914 г. на долю иностранного финансового капитала приходится 434 млн. руб., т.-е. 74,2% всей суммы основных капиталов русских коммерческих банков. Иностранный капитал распоряжался накануне войны почти всей „русской" банковой системой, при чем преобладающую роль играл французский банковый консорциум, захвативший в свои руки 53,2% всей доли иностранных капиталов; 10% составляли английские капиталы. Это предопределяло в основном тип русского империализма, как „дочернего" империализма, включенного в цепь англо-французского.

Из этого не следует, конечно, что Россия нигде не сталкивалась с союзниками, что она была в полном подчинении у них и не имела самостоятельных интересов в войне с Германией. Верно лишь то, что русский империализм был настолько тесно связан с англо-французским, что участие России в войне, — именно на стороне Антанты, — было совершенно неизбежным.

Мировая война.

Ухудшение условий быта и труда в годы мировой войны толкало рабочих на такие забастовки, в которых на первый план выдвигалось требование об изменении этих условий.

Если в 1905 г. число забастовок, связанных с условиями быта и труда, составляло 1,5% к общему числу забастовок, а число участников их—3,4% к общему числу участников, то в военные годы такие забастовки составляли 12,9% общего числа, а число участников — 16,3%. Забастовки носили упорный характер и отличались черезвычайной сгущенностью массового движения. Предприниматели и правительство отвечали на забастовки угрозой фронтом или действительной посылкой на фронт „зачинщиков" и „черными списками", куда заносились все уволенные. О том, что угроза фронтом была не пустым звуком, говорят многие факты: после февральськой стачки 1916 г. на Путиловском заводе несколько сот рабочих были отправлены в дисциплинарные батальоны, после одной из стачек в Николаеве правительство распорядилось об отправке на фронт 7.500 рабочих и т. д. Но так как при этом капиталисты теряли рабочую силу, что нередко отражалось на рентабельности их предприятий, то они вскоре придумали другую меру борьбы с непокорными рабочими: они возвращали мобилизованных на заводы в качестве солдат и ставили их в полуказарменные условия быта и труда, под ежечасной угрозой отправки на фронт.

Как отразилась мировая война на экономическом состоянии страны? В течение первого года война вызвала сокращение производства и числа рабочих, и лишь со второй половины 1915 г. положение начало несколько изменяться: оживились те предприятия, которые приспособились к военным потребностям и начали работать „на оборону". Но это „оживление"

было кратковременным и притом мнимым „подъемом" народного хозяйства.

Дело в том, что увеличение производства происходило за счет основного капитала — орудий производства, которые, не обновляясь, быстро изнашивались. Ясно, что „подъем" подобного рода не мог долго длиться, и военное „просперити" (процветание) действительно через короткий срок сменяется глубоким всеобщим народнохозяйственным кризисом. Продукция основных отраслей промышленности в годы войны резко падает, что можно видеть из следующей таблицы:

Продукты	1913 г.	1915 г.	1917 г.
		В пудах	
Чугун	287.960.000	225.291.000	190.548.000
Железо и сталь . . .	246.552.000	199.433.000	155.587.000
Каменный уголь . .	2.200.052.000	1.905.496.000	174.692.700

Сельское хозяйство, в связи с массовыми мобилизациями, также пришло в глубокое расстройство. Сельскохозяйственное машиностроение упало в 1917 г. до 15% довоенной нормы. Посевная площадь сильно сократилась, что видно из таких данных.

Годы	Посев (в тысячах десятин)	Посев (в процентах)
1914	69.593	100,0
1916	62.073	90,5
1917	61.099	89,1

В некоторых районах сокращение посевной площади было еще более значительным. [1]

[1] С. Томсинский и Н. Ванаг — „Экономическое развитие России", стр. 281.

794478

Недобор угля и других видов топлива, кризис транспортный, металла и текстиля подорвали экономическую базу старой власти. Это не могло не волновать самих капиталистов и представителей буржуазного землевладения. Яркую характеристику разрухи, вызванной войной, дает, например, Родзянко, председатель Думы и крупнейший помещик, в записке, адресованной царю в конце 1916 г.

Большевики в годы войны.

Зарождение и оформление финансового капитала в России, неразрывная его связь с западно-европейским империализмом, поражения царской монархии в мировой войне — все это ставило перед рабочим классом России и его партией новые задачи в дополнение к нерешенным старым задачам.

Институт С.С.С.Р.

Основной лозунг большевизма в период войны — лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. Ленину приходилось отстаивать этот лозунг не только в спорах с плехановцами и меньшевиками-оборонцами, не только против каутскианцев всех мастей, начиная от Аксельрода и кончая Троцким, но и против ряда большевиков.

13443

Не меньшую опасность, чем открыто-правые шатания Каменева (вспомним его позицию на суде думской „пятерки“ и оценку этой позиции Лениным), представляли и примиренческие тенденции некоторых большевиков. Партия вела борьбу на два фронта — с оппортунистической правой опасностью и „левыми“ уклонистами (группой Н. И. Бухарина). [1]

[1] К ультра-левым надо отнести, главным образом, представителей так называемой божийской группы Бухарина и его сторонников.

В связи с лозунгом гражданской войны и пораженчества большевики выдвигали решающую проблему вооруженной борьбы пролетариата против господствующих классов, проблему движущих сил революции.

В 1905 г. русская революция должна была стать „прологом" к социалистической революции на Западе. Вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую ставился тогда Лениным в этой плоскости. В 1915 г. революция в России „уже не только пролог, а неразрывная составная часть социалистической революции на Западе". Поэтому Ленин добавляет в своих тезисах к старым „трем китам" (демократическая республика, 8-часовой рабочий день и конфискация помещичьих земель) новые лозунги — против шовинизма и за социализм. Поэтому Ленин по-иному, нежели в 1905 г., ставит вопрос об участии в будущем революционном правительстве, заявляя, что большевики откажутся войти в

Основная ошибка Бухарина, как и группы „Интернационал", как и группы польских социал-демократов, заключалась в том, что они изображали нашу эпоху, как эпоху сплошного империализма, следуя в этом вопросе целиком за Троцким и вместе с ним недоучитывая значение закона неравномерности развития капитализма.

Исходя из неверной характеристики эпохи „сплошного империализма", „левые" отрицали прогрессивно-национальные войны и национально-освободительные движения, давали недиалектическую трактовку соотношения „империализм и демократия", наверно, не по-ленински оценивали роль такого важного фактора, как государство, преждевременно отбрасывали программу-минимум партии и вслед за теоретическими ошибками совершали вытекающие из них весьма серьезные политические ошибки, отрицая или „подправляя" левооппортунистической „словесностью" важнейшие определяющие лозунги большевизма — лозунги гражданской войны и пораженчества.

состав временного правительства, если бы победили революционеры-шовинисты. „Наш лозунг,— указывает Ленин,— против шовинистов, хотя бы революционеров и республиканцев, п р о т и в них з а союз международного пролетариата для социалистической революции".

Смысл этих изменений стратего-тактического плана большевизма ясен: война выдвинула со всей остротой задачу борьбы не только против царизма за буржуазно-демократическую революцию, но и против революционеров-шовинистов—за социалистическую революцию.

II. Решающие дни.

Февральская революция была крутым (и в этом смысле „неожиданным") историческим поворотом, но этот поворот был, как мы видели, обусловлен всем прошлым периодом развития. Те немногие дни в феврале-марте 1917 г., в течение которых окончательно рухнул царский трон, были, конечно, подготовлены этим периодом. Поэтому Ленин писал иронически о „чуде", которое будто бы случилось в феврале. [1]

Вместе с тем Февраль нельзя было рассматривать и как простое „продолжение" предшествующих лет.

[1] „Как могло случиться такое „чудо",— писал Ленин,— что всего в 8 дней — срок, указанный г. Милюковым в его хвастливой телеграмме всем представителям России за границей,— развалилась монархия, державшаяся веками и в течение трех лет величайших, всенародных классовых битв 1905 — 1907 годов удержавшаяся, несмотря ни на что?" (Собр. соч., т. XX, 2-е изд., стр. 13. В „Письмах издалека" Ленин подробно разъясняет смысл этого „чуда").

Февраль, как всякий крутой поворот истории, давал новое „богатство содержания“.[1]

Достаточно проанализировать ход тех самых „восьми дней“, которые принято считать „Февральской революцией“ в прямом смысле этих слов, чтобы окончательно в этом убедиться.

Была ли Февральская революция стихийной?

Было ли февральское движение в полной мере стихийным? Для меньшевистско-обывательских историков типа Суханова Февраль — явление и неожиданное и стихийное. „То, что началось в Питере 23 февраля, почти никто не принял за начало революции. Казалось, что движение, возникшее в этот день, мало чем отличается от движения в предыдущие месяцы. Такие беспорядки проходили перед глазами современников многие десятки раз“,— так повествует Суханов, собственно, следующий здесь в оценке хода революции целиком за буржуазными историками.

„Конечно, никто из нас не был уверен, что „это будет последний и решительный бой“ царскому режиму,— так характеризует настроение в то время т. Шляпников.— Такой уверенности у нас не было, и когда мы говорили о необходимости развития революционного движения до крайних пределов, то имели в виду и учитывали лишь силы стихий. Крайними пределами нам представлялись схватки вооруженных рабочих и солдат с полицейскими и верными трону войсками, схватки, за которыми могла последовать и кровавая баня, а после нее — некоторый отлив“.[2]

[1] Ленин, собр. соч., т. XX, 2-е изд., стр. 13.

[2] А. Шляпников — „Семнадцатый год“, кн. I, 1923, стр. 87.

В этих словах сказалось тогдашнее состояние партийной организации, которая не чувствовала себя в силах охватить целиком своим руководством вздыбившееся, не укладывавшееся ни в какие рамки массовое движение. В этом смысле революция была „неожиданной“ и для большевиков — но не в том смысле, что к ней не готовились и ее не ожидали. Прав Е. Игнатов, утверждая, в противовес Сухановым, что „Февральскую революцию многие с нетерпением ждали“ и что „к ее встрече готовились еще с осени 1915 г., когда стала выясняться полная неспособность самодержавного режима справиться с колоссальными организационными и хозяйственными задачами, вызванными небывалой империалистической бойней“. [1]

„Революция была стихийной, но не в том смысле, в каком понимает ее буржуазия... Революция была стихийной в смысле охвата масс настолько глубоко, что затруднен был самый факт организованного руководства им. В этом смысле революцией никто и не руководил. Именно факт отсутствия руководства едва ли не более чего другого явился неожиданным для буржуазии...“ [2]

Начало движения, Массовые стачки.

Как началось движение? Под какими лозунгами оно „стихийно“ росло и ширилось? Какие классовые силы двигали революцию вперед.

Надо прежде всего отметить высокую активность рабочего класса, что выразилось еще до решающих дней в могучем стачечном движении.

[1] Е. Игнатов — „Московский Совет рабочих депутатов в 1917 г.“ Изд. Комакадемии, 1925, стр. 3.

[2] „История ВКП(б)“ под ред. Ярославского, т. IV, стр. 20.

В период войны стачечная волна вздымается с каждым годом все выше и выше; забастовки при этом становятся все более массовыми. Так, если в 1914 г. на одну забастовку приходилось в среднем 378 бастовавших рабочих, то в 1915 г. на одну забастовку приходится уже 581 рабочий, в 1916 г.— 711. [1] Особенно усиливаются революционные настроения среди рабочих, примерно, с осени 1916 г.

В январе 1917 г. бастовало 244 тыс. рабочих, причем подавляющее большинство — 66,4% — по политическим мотивам. В феврале число бастовавших рабочих на предприятиях, подчиненных надзору фабрично-заводской инспекции, составляет уже 432 тыс., и почти все забастовки — 95,6% — носят ярко-политическую окраску.

Грандиозная стачка 9 января 1917 г. была предвестником грядущих боев. Стачки 10—15 февраля того же года, организованные большевиками в противовес меньшевистскому хождению к Государственной думе в день ее открытия — 14 февраля,— хотя и не были по ряду условий вполне удачными, но охватили все же около 80 тыс. рабочих. [1] 18 февраля вспыхнула забастовка на Путиловском заводе, в виде протеста против увольнения администрацией ряда рабочих. 21 февраля на заводе состоялся общезаводский митинг, на котором бурно поддерживалось требование о возвращении уволенных рабочих. 22 февраля верфь Пу-

[1] „Рабочее движение в 1917 году", сборник Госиздата, 1927, стр. 20—22.

[2] А. Шляпников — „Февральские дни в Петербурге", изд. „Пролетарий", 1925, стр. 13.

тиловских заводов потребовала повышения заработной платы на 20—60% и впредь до удовлетворения своих требований решила „итальянить“ (т.-е. объявила „итальянскую забастовку“).

23 февраля. Первые серьезные стычки с царизмом.

Но подлинно массовый характер движение приняло на следующий день — 23 февраля,[1] в Международный день работницы. Этот день можно считать началом революции, так как движение к этому моменту уже не замыкается в заводские рамки и широко выходит на улицы.

23 февраля между полицией и рабочими происходили первые столкновения, в результате которых были убитые и раненые.

Революция и продовольственные затруднения.

Застигнутое врасплох невиданно-широким движением царское правительство рассматривало вначале эти стачки лишь как случайные вспышки, вызванные продовольственными неурядицами и „хвостами“ у лавок. Последний министр внутренних дел Протопопов оценивал „беспорядки“ 23 февраля именно под этим углом зрения, когда телеграфировал 25 февраля в ставку: „Внезапно распространившиеся в Петрограде слухи (о) предстоящем якобы ограничении суточного отпуска выпекаемого хлеба и о предстоящей выдаче хлеба взрослым по фунту (и) малолетним (в) половинном размере вызвали усиленную закупку публикой хлеба, очевидно, в запас, почему части населения хлеба не хватило. На этой почве 23 февраля вспых-

[1] По старому стилю. Все даты даны и в дальнейшем по старому стилю.

нула (в) столице забастовка, сопровождающаяся уличными беспорядками".

Телеграмма кончается трафаретным припевом:

„(К) прекращению дальнейших беспорядков принимаются энергичные меры военным начальством". [1]

Эту обывательскую наивную уверенность, будто революция февральских дней была вызвана, главным образом, нехваткой продовольственных продуктов в столице, разделяют вместе с Протопоповым и „почтенные" буржуазные историки. На самом же деле продовольственные затруднения, обусловленные общехозяйственным кризисом, были только тем, что принято называть „поводом" к выступлению, но не были, конечно, генеральным фактором революции. Но даже как повод продовольственный кризис нельзя рассматривать отдельно от других поводов, в частности — Международного дня работницы. Нельзя вообще преувеличивать размеры и степень остроты продовольственного кризиса в тот момент. Правда, в предреволюционный период резко сократились хлебные перевозки в города. Так, в июне 1916 г. Петербург, например, получил 5.052 вагона муки, в июне 1917 г. лишь 1.959. [2] В декабре 1916 г. в Петербург было доставлено лишь 47% нормы, т.-е. меньше половины потребного количества. Но отсюда вовсе не следует, что в столице не было достаточных запасов хлеба. Хлеб был на продовольственных складах и в то же время его не было в нужном количестве в лавках. Объясняется это в значительной

[1] А. Шляпников — „Семнадцатый год", кн. I, стр. 136.

[2] С. Пионтковский — „Октябрьская революция", стр. 33.

мере нелепыми административными распоряжениями Протопопова и градоначальника Балка.

Как бы то ни было, в дни февральских „продовольственных" волнений в Петербурге были запасы пшеничной и ржаной муки в количестве до 500 тыс. пудов. [1]

„Положение в этой области отнюдь не было катастрофическим,— констатирует тов. Шляпников.— Было выяснено, что общественные организации (главным образом, союзы земств и городов), а также интендантство имели значительное количество продуктов питания. [2] На первом пленуме Петроградского совета рабочих депутатов 28 февраля докладчик продовольственной комиссии также сообщал о „благополучном положении дела с хлебными продуктами". [3] „А хлеба все же не было, и население голодало",— замечает не лишенный наблюдательности деятель тех дней полковник Г. Перетц. [4]

Забастовка и волнения, вызванные локаутом на Путиловском заводе, дальнейшее распространение стачки на другие предприятия, мучительные очереди у продовольственных лавок — все эти движения слились как бы воедино в Международный день работницы.

Застрельщиком движения явился Выборгский район. В этот день бастовало до 50 предприятий с общим количеством до 88 тысяч рабочих. [5]

[1] См. у Авдеева,—„Революция 1917 года", стр. 319.

[2] А. Шляпников — „Семнадцатый год", кн. I, стр. 149.

[3] Там же, стр. 190.

[4] Г. П. (Г. Г. Перетц) — „В цитадели русской революции", 1917, 2-е изд., стр. 13.

[5] По данным охранного отделения бастовало 43 предприятия с 78.443 рабочими (А. Шляпников—„Семнадцатый год", кн. I, стр. 78).

Стачечное движение было определенно политическим, хотя некоторые заводы, как, например, Петроградский вагоностроительный, выдвигали еще чисто экономические требования. К полудню значительные демонстрации рабочих и работниц направились в центр, но проникнуть туда удалось сравнительно немногим, главным образом по льду Невы. „Рабочие и работницы с революционными песнями доходили до Литейного моста и, когда их разгоняли, возвращались обратно, группировались и снова двигались в том же направлении". [1]

Работницы двигались по направлению к городской думе с требованием „хлеба". Впервые над головами демонстрантов взвились красные знамена.

К Международному дню работницы была выпущена листовка с.-д. интернационалистов (межрайонцев), содержавшая бывшие тогда в ходу лозунги: „Долой самодержавие! Да здравствует революция! Да здравствует временное революционное правительство! Долой войну! Да здравствует демократическая республика!"

Петербургские большевики ограничились устной агитацией. Московский комитет РСДРП(б) выпустил прокламацию, обращенную к работницам, под теми же лозунгами: „Долой войну! Долой царское правительство!" [2]

Первый день революции, однако, еще не был днем решительной атаки на твердыни самодержавия. Движение в этот момент пока еще находится в стадии „раскачки". В этот день даже не все крупные заводы

[1] Сообщение тов. Кондратьева, рабочего завода „Новый Лесснер". „Красная Летопись", № 7, 1923, стр. 63.

[2] „Хрестоматия по истории Октябрьской революции" С. Пионтковского, стр. 35.

принимают участие в нем. На Франко-русском заводе, например, бастует лишь одна мастерская. Не всех рабочих удалось „снять“ и на других крупных предприятиях. На улицах еще поддерживается, при наличии усиленных нарядов полиции, внешний нормальный порядок“, если не считать задержки трамвайного движения на несколько часов и отдельных немногих стычек рабочих с полицией. 23 февраля „загадочный сфинкс“— армия — еще не на стороне революции: войска произнесут свое решающее слово только через 2—3 дня, после решительного натиска рабочих. Руководствуясь правильной оценкой роли солдат, большевики решают принять ряд срочных мер для немедленного охвата своим влиянием петербургского гарнизона.

24 февраля. Перерастание экономических лозунгом в политические. От одной формы рабочего движения к другой, более высокой.

На другой день, 24 февраля, движение поднялось на новую ступень: к основным силам подтянулись рабочие резервы, волна стачек в этот день охватила множество предприятий с общим количеством до 200 тысяч рабочих.[1] Рабочая масса попрежнему стремится проникнуть — на этот раз с большим успехом — с окраин в центр. Вслед за Выборгским поднимаются и другие районы. В движение вовлекается постепенно весь город, а не одни лишь окраины. Город в этот день принимает своеобразный вид: всюду происходят митинги, улицы заполнены народом. Учащаются случаи нападения де-

[1] Точнее — 197 тысяч. 24 февраля, по явно преуменьшенным данным охранного отделения, бастовало 151 предприятие с 158.583 рабочими (см. у Шляпникова, „Семнадцатый год“, кн. I, стр. 90 — 91).

монстрантов на чинов полиции. На улицах появляются первые баррикады.

Лозунг „Хлеба!“ все более оттесняется на второй план лозунгом „Долой самодержавие!“ Об этом перерастании экономических лозунгов в политические единодушно свидетельствуют все активные участники и наблюдатели февральских событий, независимо от их политических взглядов, об этом свидетельствуют и официальные донесения охранного отделения и полиции.

Движение становится резко антиправительственным.

Революция двигалась вперед усилиями рабочих и присоединившихся к ним вскоре после начала движения солдат. 24 февраля уже заметны первые признаки колебания в рядах казаков. Интересно, что в телефонном сообщении полицейского надзирателя о митинге на Невском о поведении казаков сказано: „Казаки, стоявшие вплотную с толпой, не разгоняли их“. [1]

Войска в этот день все же еще служат, с грехом пополам, царизму и даже стреляют в рабочих. Но лед уже тронулся... Последний оплот царизма зашатался.

25 февраля. К рабочей революции присоединяются солдатские восстания.

Еще более резко сказывается перелом в настроениях солдат и казаков на следующий день—25 февраля. Войска все более переходят от „нейтралитета“ при столкновениях между полицией и рабочими к поддержке рево-

[1] „Хрестоматия по истории Октябрьской революции“ С. Пионтковского, стр. 43. Пионтковский добавляет: „О „бездействии“ казаков и солдат имеются еще и еще сообщения. Но в официальном докладе о событиях охранное отделение как-будто умышленно замалчивает эти факты“.

люционного движения. „Бывали неоднократные случаи, когда солдаты предупреждали демонстрантов о стрельбе полиции. Казаки забирают красные флаги у демонстрантов и незаметно от начальства отдают назад или выбрасывают“.[1]

В этот день отмечались первые случаи открытого перехода казаков на сторону восставших.

Можно сказать, что именно в этот день, 25 февраля, явственно наметились тенденции к слиянию рабочей революции с солдатским восстанием, но слияние этих струй в один революционный поток произошло, однако, позже. Сама рабочая революция по-настоящему определилась на третий день стачки, когда стачка стала всеобщей и когда политические демонстрации повсеместно переросли в восстание.

25 февраля было в этом смысле подлинным началом решительной атаки на самодержавие. Но и правительство, со своей стороны, переходит в контр-наступление. Обе стороны мобилизуют свои силы. 25 февраля, по сведениям полицейских участков, бастовало 240 тысяч рабочих. К бастующим рабочим присоединились учащиеся высших учебных заведений. К вечеру этого дня восставшие завладели Выборгским районом. „Прекратилось телефонное сообщение градоначальства с Выборгской стороной, так как она оказалась всецело в руках восставшего народа. Участковые канцелярии были разгромлены, а чины полиции или скрылись, или убиты“.[2]

---

[1] М. Г. Гайсинский — „Февральская революция“, изд. „Молодая Гвардия“, 1927, стр. 39.

[2] „Исторический Вестник“, ст. Акаемова — „Агония

Положение становится явно тревожным, почти катастрофическим. Это начинают понимать и „наверху", в правительственных сферах. Там решают противопоставить революционному „насилию" всю силу правительственного механизма.

25 февраля Николай посылает Хабалову из ставки телеграмму с категорическим требованием „прекратить в столице беспорядки". Хабалов переходит к угрозам по адресу забастовщиков, предписывая им стать на работу не позже 28 февраля.

В этом же духе „направляет" царя и Александра Федоровна в письме от 25 февраля: „Рабочим прямо надо сказать,— пишет она,— чтобы они не устраивали стачек, а если будут, то посылать их в наказание на фронт. Совсем не надо стрельбы, нужен только порядок и не пускать их переходить мостов, как они это делают. Этот продовольственный вопрос сводит с ума".

Впрочем, на Николая II тревожные вести производили, видимо, мало впечатления. Генерал Дубенский, находившийся в ставке, отмечает в своем дневнике 25 февраля, что царь „сегодня по виду был весел".

25 февраля город переходит по специально разработанному ген. Хабаловым плану во власть военной диктатуры — во главе участков становятся командиры полков. Правительство подготовилось к гражданской войне: в ночь на 25 февраля на крышах домов и пожарных каланчах были установлены пулеметы. Вместе с тем Хабалов отдал приказ открывать огонь по толпе.

царского режима (по приставским донесениям и показаниям свидетелей)". Цитируем по статье Э. Генкиной „Февральский переворот" в „Очерках по истории Октябрьской революции", т. II, 1927, стр. 47.

Под влиянием успехов революции в Государственной думе усиливается оппозиционный тон по отношению к правительству. Раздаются речи (Керенского, Скобелева) с требованием „ответственного министерства". Городская дума в ответ на аресты в помещении Центрального военно-промышленного комитета требует свободы слова, печати и собраний.

Во время заседания в Думу приносили раненых при стычках с полицией и войсками рабочих. Их встречали овациями. Несмотря на обещание градоначальника выпустить арестованных, в городе происходят новые аресты: в ночь на 26 февраля полицией были задержаны в разных частях города до 100 человек, из них четыре члена петербургского комитета РСДРП(б).

Было очевидно, что не благодушными резолюциями можно склонить на сторону революции ее усмирителей. Борьба в Петрограде шла мимо Государственной думы, равно как и мимо городской думы.

Исход ее, как во всякой революции, решался непосредственно на улицах.

26 февраля. Решающий день в позиции гарнизона.

В воскресенье 26 февраля полиция и войска, еще подчиняясь суровой дисциплине, стреляют в безоружные толпы рабочих, стремящиеся проникнуть в центр. Воинские патрули занимают все мосты через Неву. Много убитых и раненых на Знаменской площади и в других районах. Но, странное дело, выстрелы никого больше не устрашают. Пулеметы, расставленные Протопоповым по крышам, вырывают десятки жертв из рядов „буйствующих" (по официальной терминологии этого министра), но

демонстрации, тем не менее, не только не прекращаются, но, напротив, численно растут.

Охранное отделение с недоумением отмечает стойкость толпы, ее спокойствие, ее равнодушие к смертоносным залпам войск. Последние все более и более склоняются на сторону восставших рабочих и работниц.

„...Стрельба по безоружным, дикая расправа полицейских сил над демонстрировавшими рабочими происходила по всему центру города. Стрельба по Невскому проспекту возобновлялась несколько раз, но ее перестали бояться, умело спасаясь за прикрытиями. А кроме того, смерти уже перестали бояться — на таком миру и смерть была красна". [1] Но не всегда, конечно, прикрытия выручали: пуля настигала многих безымянных смельчаков; не щадила она и случайных любопытствующих наблюдателей.

Легенда о „мирном" характере Февральской революции.

Надо, кстати, в этой связи решительно подчеркнуть полную безосновательность созданной буржуазными историками легенды о „бескровном", „мирном" якобы характере Февральской революции (которая в этом смысле противопоставляется „кровавой" и „жестокой" Октябрьской революции).

Достаточно сказать, что в февральские дни в одном Петрограде было убито 1.382 человека: солдат 869, рабочих 237, прочих 276; в братскую могилу на Марсовом поле было опущено 178 гробов.

Возвращаемся к вопросу о поведении солдат. 26 февраля явилось днем решающего сдвига в позиции воин-

[1] А. Шляпников — „Февральские дни в Петербурге", стр. 37.

ских частей. Вечером восстала 4-я рота Павловского полка.

Одновременно с павловцами восстали и волынцы во главе с учебной командой 2-й роты. [1] Хотя эти восстания и не вызвали в тот же день массового неповиновения всего гарнизона — 19 „зачинщиков", солдат Павловского полка, были даже выданы батальоном Хабалову для предания военно-полевому суду,— но они знаменовали начало конца прежнего рабского состояния армии, бывшей слепым орудием в руках самодержавия.

Царь, правительство и Государственная дума.

Думские круги встревожены не на шутку: перед ними маячит ставший реальностью призрак революции, которой они боятся не менее, если не более, чем самой оголтелой реакции. Родзянко, председатель Государственной думы, делает отчаянное усилие спасти колеблющийся трон Николая II. „Положение серьезное,— телеграфирует он царю.— В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти

[1] Падкая на сенсацию буржуазная пресса раздула после решающей победы роль „инициатора" восстания волынцев фельдфебеля Т. Кирпичникова и превратила его чуть ли не в народного героя; Временное правительство в благодарность за услуги, оказанные революции, наградило Кирпичникова георгием 4-й степени и возвело в чин прапорщика.

подобно. Молю бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца". [1]

Хотя требование, содержавшееся в этой телеграмме, было поддержано командующими фронтами (Брусиловым, Рузским), хотя Александра Федоровна писала в тот же день своему „августейшему" супругу: „очень беспокоюсь относительно города",— Николай II оставался невозмутимо спокойным.

Барон Фредерикс, министр двора, рассказывал, что когда Николай получил телеграмму Родзянко, то сказал ему: „Опять этот толстяк Родзянко написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать". [2] Другой придворный, близко стоявший к царю, ген. Дубенский, записал в своем дневнике за два дня до этого: „Тихая жизнь началась здесь (в ставке). Все будет по-старому. От него (от царя) ничего не будет. Могут быть только случайные, внешние причины, кои заставят что-либо измениться". [3]

Это состояние полупаралича, почти столбняка, характерно и для правительственных кругов, особенно для министров.

Вот, например, любопытный рассказ Родзянко о настроениях в „сферах" в решающие революционные дни, когда, казалось бы, более чем когда бы то ни было нужна была твердая рука и решительная власть.

„Правительство (в ночь с 26 на 27 февраля) заседало в Мариинском дворце, но никакого распоряжения,

---

[1] Н. Авдеев—„Революция 1917 года", стр. 37.

[2] А. Блок—„Последние дни старого режима", „Былое", № 15, 1911, стр. 28.

[3] Н. Авдеев—„Революция 1917 года", стр. 34.

никакого распорядка, никакой попытки к подавлению в самом корне начинающихся беспорядков им сделано не было, потому что правительством, в буквальном смысле слова, овладела паника. Насколько велика была паника и растерянность, видно из следующего обстоятельства: при известии о движении толпы на Мариинский дворец в нем были потушены все огни и собрано некоторое количество оставшихся еще верными правительству войск для того, чтобы сопротивляться. Однако нападения не было, и, по словам одного из членов правительства, когда снова зажгли огонь, то он, к своему удивлению, оказался под столом. Мне кажется, что такой несколько анекдотический рассказ лучше всего может характеризовать настроение правительства в смысле полного отсутствия руководящей идеи для борьбы с возникающими бесчинствами". [1]

Читая это описание, надо, однако, помнить, что Родзянко преследовал своим утрированным рассказом особую цель: он хотел оправдать перед монархической общественностью свое участие в февральском перевороте; он как бы говорит: законное правительство оказалось в сетях, и Государственной думе волей-неволей пришлось создать „незаконное", пришлось „возглавить" революцию.

Но нужно признать, что паника в правительственном аппарате была действительно велика. Родзянко возлагает вину за это на неумелых, бездарных, как он выражается, царских министров, лишенных „руко-

[1] М. В. Родзянко — „Государственная дума и февральская 1917 г. революция", стр. 41.

водящей идеи для борьбы с возникающими бесчинствами".

Комитет Государственной думы и Временное правительство были вооружены этой „идеей"—они поэтому считали себя в праве занять посты обанкротившихся слуг царя. Такова немудреная „философия" февральского переворота в изложении Родзянко. Комментировать ее излишне. Дело, конечно, не в бесталанности, „непонятной" пассивности или трусости царских министров и самого царя — революция произошла не из-за этих „причин" — дело не в „ошибках" отдельных начальствующих лиц того времени, Протопопова или кн. Голицына (последнего председателя Совета министров).

Царь и его правительство, действительно, растерялись, но вовсе не были уж так бездеятельны, как это иногда изображают иные буржуазные „историки", типа Родзянко и Шульгина. Вспомним о пулеметах на крышах домов, из которых полиция стреляла в народ. Вспомним действия ген. Хабалова, его угрозы, массовые аресты, расстрелы безоружных на улицах.

Экспедиция ген. Иванова.

Возьмем, наконец, экспедицию Иванова, генерала, известного своей твердостью и непоколебимой преданностью монархии. Все эти попытки раздавить революцию при самом ее возникновении кончились крахом не из-за того, что у Хабалова или Иванова не было достаточной решимости и желания выполнить волю пославшего их, но из-за того, что революция быстро и мощно разлилась бурным потоком по стране, и остановить этот поток, заставить его повернуть вспять оказалось

просто не по силам царю и всему тому классу, который в эти памятные дни „выронил“ власть из своих рук. Достаточно вглядеться в этапы экспедиции Иванова, чтобы убедиться, насколько действия „решительного“ генерала парализовались еще более решительным и безудержным движением вперед победоносной революции.

Николай II и ставка отнюдь не относились пассивно к развертывавшимся событиям. „Иванов пытался действовать довольно энергично“, правильно замечает один из историков Февральской революции. [1] И если тем не менее экспедиция Иванова не удалась, то это следует объяснить не бездействием царя и его генералитета, а успехами революции, парализовавшей все их усилия.

Иванов, этот новоявленный „диктатор“, пытался прорваться со своим отрядом в Царское Село или Гатчину, но это ему не удавалось из-за отказа железнодорожных властей пропускать его эшелоны, а самое главное — войска, прибывшие ночью 1 марта в Лугу в помощь Иванову, сами перешли на сторону революции. Это было плохим (для старого режима) предзнаменованием. Какая, в самом деле, была гарантия, что примеру этих полков не последуют и все другие „карательные“ полки? Неудача Иванова оттолкнула от него даже думские круги, которые одно время не прочь были вступить в контакт с царским генералом „на предмет“ совместных действий против революции. Известно, что Государственная дума дала распоряжение на пропуск Иванова в Царское Село,

[1] „Очерки по истории Октябрьской революции“, т. II, стр. 74.

сам Иванов искал сближения с Шульгиным, Гучковым и Родзянко, намечались переговоры между Гучковым и Ивановым, смысл ко орых остается, правда, не совсем ясным. К Иванову был даже прикомандирован полковник Доманевский, намеченный Временным комитетом Государственной думы в начальники штаба экспедиционного отряда. [1]

Отказ солдат повиноваться контр-революционным генералам повернул все дело по-иному. Отношение Временного комитета Государственной думы и Временного правительства к Иванову менялось в соответствии с переменой обстановки.

26 февраля Родзянко еще верил в возможность подавления революции надежными частями и требовал, по утверждению ген. Лукомского, присылки войск с фронта. В тот же день Родзянко убеждается в том, что стрельба мало помогает делу, и советует военному министру Беляеву разгонять мятежные толпы не стрельбой, а пожарной кишкой. На 1 марта Родзянко в телеграмме Рузскому уже стоит на иной позиции и требует прекращения присылки войск — он понимает всю безнадежность и даже вред дальнейших усилий разрешить кризис насильственными мероприятиями.

Рузский был одним из тех, кто решительно при-

[1] Об этом сообщает, например, Мстиславский в своей книге „Пять дней". Иванов получил от Доманевского и приехавшего с ним одновременно подполковника Тилли подробный доклад о положении в столице. Утешительного в этом докладе для Иванова, увы, ничего не было. Он должен был прийти к выводу, что рассчитывать на помощь петербургского гарнизона — явно безнадежная утопия (доклад Доманевского приведен в книге Перетца, стр. 66-37).

соединился к точке зрения Родзянко и еще за несколько дней до переговоров с ним, 27 февраля, указывал царю, что „при существующих условиях меры репрессии могут скорее обострить положение".

После неудач первых дней в ставке начинаются лихорадочные поиски новых путей для спасения положения. В связи с этим Иванов получает предписание приостановить движение к столице. [1]

Генералы советуют царю итти на сближение с Думой, даровать стране „правительство доверия"; царь, однако, выжидает и „теряет необходимые темпы", положение ухудшается. Тогда приближенные царя выдвигают вопрос об „ответственном министерстве"; Николай остается верен самому себе и соглашается на это требование тогда, когда „в порядке дня" уже стоит вопрос об отречении.

Революцию, как показывал ход событий, невозможно было победить ни лихой атакой „георгиевских кавалеров", ни обходными движениями контр-революционных генералов.

Но официальные революционные органы, несмотря на то, что революция „делалась" руками рабочих и солдат, оказались все же на долгие месяцы возглавленными буржуазными лидерами, буржуазными и обуржуазившимися партиями. Как и почему это случилось — мы увидим ниже.

---

[1] Финальным аккордом неудачливой экспедиции Иванова был его отъезд в Киев, где генерал, по постановлению местного совета, был арестован и препровожден в Петроград. Керенский, однако, распорядился освободить Иванова во внимание к его якобы большим заслугам перед родиной.

27 февраля. Крах царизма.

27 февраля — день решительного присоединения солдат к восставшим рабочим. Расстрелы 26 февраля не только не ослабили воли к борьбе и победе в рабочих, но влили новую струю в движение. На другой день рабочие еще с большей энергией идут к солдатским казармам и добиваются колоссального успеха. На этот раз вслед за волынцами поднимаются литовцы и преображенцы, после них — часть Московского полка, семеновцы, егеря и измайловцы. Можно сказать, что в этот день царизм окончательно лишился своей последней боевой опоры в столице: после 27 февраля не было ни одной части, которая хотела бы или могла бы, если бы даже захотела, защищать рухнувший старый режим.

Основное, что не может не остановить нашего внимания при оценке характера солдатской революции, это то, что последняя началась и развертывалась под руководством рабочей революции. Крестьяне, одетые в серые шинели, присоединились в качестве союзника к питерскому пролетариату, выступая под его гегемонией на основе его решающего боевого выступления в предшествующие дни. Присоединение крестьян к рабочим подняло революцию на новую ступень, предопределило расстановку сил на ее следующем этапе.

Характерно, что на частном совещании членов Государственной думы, происходившем 27 февраля, [1]

[1] Пользуясь правом, предоставленным Голицыну царем,— распустить Думу в любой момент, когда это будет признано необходимым,— Совет министров принял решение о перерыве занятий Государственной думы, но она фактически не подчинилась этому решению.

Родзянко еще колеблется по вопросу о новой власти. „Нам нельзя еще высказываться определенно, так как мы еще не знаем соотношения сил“ — говорил он. Милюков в этот момент стоял примерно на такой же позиции. Но ход событий устранил колебания: под влиянием событий Дума решает выделить из своей среды Временный комитет, в подавляющем большинстве из представителей партий прогрессивного блока. В него вошли Родзянко, Шульгин, Коновалов, Керенский, Милюков, Некрасов, В. Львов, Дмитрюков, Шидловский, Караулов, Ржевский и Чхеидзе; из 12 членой комитета только двое были „социалистами“: Керенский (эсэр) и Чхеидзе (эсдек).

Характерно, что Временный комитет Государственной думы был создан первоначально лишь „для поддержания порядка (!) в Петрограде и для сношений с различными учреждениями и лицами“. Очевидно, буржуазия, став на революционный путь, оставляла себе все ж на всякий случай лазейку и для отступления. В тот же день лидеры октябристов и некоторые кадеты совещались с вел. кн. Михаилом Александровичем о положении в столице. Брату царя было предложено принять на себя явочным порядком диктаторство и водворить в Петрограде „порядок“. Михаил оказался, однако, рассудительнее своих собеседников и отказался от этой опасной миссии. Нерешительность Михаила, по словам Родзянко, погубила все дело.

В тот же день — 27 февраля — закладывается фундамент и для Совета рабочих депутатов: по призыву Временного исполнительного комитета Советов на предприятиях происходят выборы в Совет. Вечером

в Таврическом дворце открылось первое историческое заседание Совета рабочих депутатов, на котором выступали также представители революционных полков. При всеобщем подъеме рабочие и солдаты приняли решение — создать единую организацию под названием „Совет рабочих и солдатских депутатов".

В общем, 27 февраля революция одержала решающую победу над царизмом, но плоды этой победы еще не удалось закрепить. Опасность таилась не только и не столько в горстке еще не самоопределившихся воинских частей и растерявшейся полиции, не только в подозрительном поведении гарнизона Петропавловской крепости. Большую опасность представляла слабая организованность самих революционных рабочих. Совет рабочих депутатов по этой причине оказался с первых же шагов своей деятельности орудием эсэро-меньшевистской политики. Руководство было раздвоено: одновременно, в один и тот же день, возникли два новых политических центра — Временный комитет Государственной думы и Совет рабочих и солдатских депутатов. Эти центры стали средоточием разных верхушечных комбинаций в последующие дни, когда во всей остроте выдвинулась проблема власти.

Подлинная роль Временного комитета Государственной думы сейчас выяснена достаточно отчетливо: буржуазия создала свой политический орган для борьбы со „стихийно" разразившейся революцией и для того, чтобы рабоче-солдатскими руками загребать жар из революционного огня. Общеизвестно, что главные заправилы комитета, лидеры „революционной" буржуа-

зии, лезли из кожи вон, чтобы сдержать „разбушевавшиеся страсти“, поставив своей целью спасение монархии Романовых. В этом нет ничего удивительного: новые „хозяева положения“ (в комитете Государственной думы и затем во Временном правительстве) были выпечены из того же классового теста, что и старые министры.

В книге Г. Перетца, коменданта Таврического дворца, в первые дни революции, можно найти умилительные сцены братания новых „революционных“ лидеров и арестованных царских сановников.

Отречение Николая II. Судьба династии.

Мы знаем, что между ген. Ивановым и Гучковым были протянуты нити в наиболее критические для исхода борьбы моменты. И если Гучкову и Иванову не удалось договориться, то не по их вине, не по недостатку взаимного понимания. Такое же „сердечное согласие“ характеризует отношения, например, Милюкова и великого князя Михаила Александровича.

Накануне отречения Николая II некоторые великие князья делают последнее усилие, чтобы спасти царя и монархию.

1 марта Михаил Александрович, Кирилл Владимирович и Павел Александрович составили проект царского манифеста о выходе в отставку старого правительства и о создании временного кабинета, опирающегося на доверие страны, во главе с председателем Государственной думы. В тот же день великие князья переслали свой проект Временному комитету Государственной думы. Но спасти царя было уже невозможно. Оставался еще один шанс: пожертвовать ненавистным

стране Николаем, но сохранить монархию, убедив царя отречься от престола. В последнем случае регентом должен был стать слабохарактерный и уступчивый Михаил Александрович при малолетнем Алексее. С этой целью к царю были направлены два представителя Комитета Государственной думы — Гучков и Шульгин, выполнившие успешно свою миссию.

2 марта царь в своем вагоне в Пскове подписал акт об отречении, но не в пользу сына, как предполагалось вначале, а в пользу брата Михаила. [1]

С этим актом делегаты вернулись в Петербург. События, однако, за это время шли своим чередом, и отречение оказалось запоздалым, подобно всем прежним паллиативным мерам. Революционный поток перехлестнул через воздвигнутую буржуазией на его пути плотину и понесся вперед. В этом скоро убедились все чаявшие сохранения монархии во что бы то ни стало.

Утром 2 марта, сейчас же после образования Вре-

[1] Обстоятельства, при которых происходило отречение царя, описывались неоднократно в литературе. См. особенно „Дни" Шульгина и показание Гучкова Чрезвычайной комиссии Временного правительства в VI томе материалов „Падение царского режима". Отречение в пользу Михаила было неожиданным для всех и прежде всего для самого Михаила. Царь просил у брата извинения за свой поступок. 3 марта Николай отправил из Сиротина телеграмму Михаилу, начинавшуюся словами: „Его императорскому величеству Михаилу, Петроград" (между прочим, это единственный документ, адресованный Михаилу как царю). „События последних дней, — продолжал Николай, — вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что-не успел предупредить. Останусь навсегда верным и преданным братом. Возвращаюсь в ставку и оттуда через несколько дней надеюсь приехать в Царское Село. Горячо молю бога помочь тебе и твоей родине. Ника".

менного правительства, Милюков обратился к толпе в Екатерининском зале Таврического дворца с разъяснением очередных задач революции.

„Мы,— сказал он,— присутствуем при великой исторической минуте. Еще три дня тому назад мы были скромной оппозицией, а русское правительство казалось всесильным. Теперь это правительство рухнуло в грязь, с которой сроднилось, а мы и наши друзья слева выдвинуты революцией, армией и народом на почетное место членов нового русского общественного кабинета".

Милюков объяснял эту перемену тем, что „история не знает другого правительства, столь глупого, столь бессовестного, столь трусливого и изменнического, как это, ныне низвергнутое, правительство, покрывшее себя позором и лишившее себя всяких корней симпатий и уважения, которые связывают всякое сколько-нибудь сильное правительство с народом".

„Кто вас выбрал?"—спросили Милюкова.—Нас выбрала революция",— последовал ответ. Когда Милюков назвал своего премьера кн. Львова воплощением организованной общественности, гонимой царским режимом, кто-то с места внес „фактическую поправку": „цензовой".

Заявление об образовании нового правительства было все же встречено аплодисментами. Иначе отнеслись собравшиеся к сообщению Милюкова о предполагаемой судьбе династии Романовых. „Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи,— сказал Милюков,— добровольно откажется от престола или будет низложен. Власть перейдет к регенту вел. кн. Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей".

Милюков выдал этими словами „секрет полишинеля“. После слов Милюкова в зале поднялся невообразимый шум. Весть о предательстве буржуазии широко разнеслась по заводам и казармам и вызвала повсюду бурю протестов. Вечером того же дня Милюков вынужден был выступить с разъяснением, что его утреннее заявление являлось только его личным мнением. Все дальнейшие попытки сохранить династию были обречены на позорный провал. Это понимали, кроме немногих (в частности, Милюкова и Гучкова), даже такие буржуазные лидеры, как Родзянко. Сам Михаил тоже не склонен был итти на явно безнадежную авантюру и, после зрелого размышления, отказался от престола прародителей. [1]

Попытка Милюкова и Гучкова удержать на престоле представителя „плюгавой семейки“, как назвал „дом Романовых“ один малоизвестный писатель времен Радищева (М. Антоновский), не удалась. Вопрос о форме будущей власти был оставлен таким образом открытым — до Учредительного собрания. Россия фактически ликвидировала у себя монархию, но вместе с тем не стала и республикой.

---

[1] Михаил явно трусил и, „вручая“ власть Временному правительству впредь до созыва Учредительного собрания, действовал, конечно, под нажимом рабочей и солдатской революции. Это не помешало, однако, „республиканцу“ и „социалисту“ Керенскому обратиться к Михаилу после оглашения принятого им решения об отказе от престола со следующими словами: „Ваше высочество! Вы благородный человек! Я отныне буду всюду заявлять это“.

III. Двоевластие.

Буржуазный центр: Временный комитет Государственной думы.

Кто вообще унаследовал власть, вырванную из рук „старого деспота“? Какой класс?

Мы уже мельком упомянули о двоецентрии, или, как обычно выражаются, о двоевластии, которое характеризует первый период Февральской революции. [1]

Один из центров — буржуазный комитет Государственной думы — выделил вскоре же после своего образования, а именно 2 марта, Временное правительство, т.-е. взял на себя те функции, которых он в первые дни революции избегал, всячески пытаясь договориться со старым правительством и стремясь сохранить в максимальной мере легальность. В этой связи небезынтересно упомянуть, что, даже будучи вынуждена пойти на создание новой „революционной“ власти, буржуазия стремилась все же перебросить мост к прошлому и установить некую преемственность „верховной власти“: Шульгин и Гучков привезли с этой целью указ, подписанный Николаем II задним числом, уже после состоявшегося его отречения, в котором царь назначал председателем Совета министров кн. Львова. Однако ни посланцы в Псков, ни кто-либо другой из буржуазных деятелей благоразумно не решались опубликовать этот указ, зная, что он ничего, кроме подрыва авторитета нового правительства, не дал бы. Указ хранился в потайном месте „на всякий случай“.

[1] Один из авторов остроумно заменил термин „двоевластие“ другим, более подходящим, словом — „двоебезвластие“.

Как бы то ни было, Временному комитету Государственной думы, созданному с определенной целью сдержать стихийно-революционное движение, ликвидировать его вовсе или ввести в берега умеренности,— пришлось решиться на образование Временного „революционного“ правительства.

В ночь на 28 февраля думский комитет „решил принять на себя функции исполнительной власти“. [1] Комитет, как уже указывалось, пошел на этот шаг после долгих сомнений и споров. Колебания членов комитета, в частности его председателя Родзянко, кончились, когда обстановка полностью вырисовалась и когда буржуазия поняла, что „возглавление“ революции может стать одним из методов ее дальнейшей ликвидации.

„Бунт или не бунт?“

Родзянко, прежде чем решиться взять власть, долго спрашивал Шульгина: „что это будет — бунт или не бунт?“ Шульгин его успокаивал: „Берите, Михаил Владимирович, никакого в этом нет бунта. Берите как верноподданный. Берите, потому что держава Российская не может быть без власти... и если ми истры сбежали, то должен же кто-то их заменить... Ведь сбежали — да или нет?“ — „Сбежали... где находится председатель Совета министров — неизвестно. Его нельзя разыскать... точно так же и министр внутренних дел... никого нет... кончено!..“ — „Ну, а если кончено... так и берите. Положение ясно. Может быть два выхода: все обойдется — государь назначит новое правительство, мы ему сдадим власть. А не обойдется, так если

[1] „Известия комитета журналистов“ от 4 марта 1917 г.

мы не подберем власть, то подберут другие, те, которые выбрали уже каких-то мерзавцев на заводах"...[1]

Шульгин выбалтывает здесь сокровенные замыслы буржуазии. Становится понятно, почему комитет, не исключая самого правого из его членов, Шульгина, сжег якобы за собой корабли. Действительность, впрочем, оказалась сложнее, чем предполагал Шульгин: полностью подобрать власть не удалось никому — ни думскому комитету, ни Совету рабочих и солдатских депутатов, опасность которого Шульгин почувствовал сразу же своеобразным классовым чутьем.

Образование Временного правительства.

Временное правительство явилось плодом комбинаций, плодом соглашения между обоими центрами — думским комитетом и Советом рабочих и солдатских депутатов.

Соглашение состоялось 1 марта после долгих споров. Делегаты Совета уступили Временному комитету Думы в двух пунктах: во-первых, согласились оставить открытым впредь до Учредительного собрания вопрос о форме правления (конституционная монархия или республика), во-вторых, согласились вычеркнуть из декларации требование выборности офицеров.

Руководящая верхушка Исполкома Совета согласилась признать Временное правительство и обещала ему свою поддержку, о чем опубликовала, по соглашению с Милюковым, воззвание к населению с изложением своей позиции.

В декларации Исполкома, между прочим, говори-

[1] Шульгин — „Дни", стр. 111.

лось, что „в той мере, в какой нарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления обязательств и решительной борьбы со старой властью, демократия должна оказать ей свою поддержку".

Здесь в первоначальном виде дана пресловутая формула поддержки Временного правительства Советом рабочих и солдатских депутатов: „постольку, поскольку"...

К вечеру 2 марта окончательно определился состав Временного правительства: председателем Совета министров и министром внутренних дел был назначен кн. Г. Е. Львов (председатель главного комитета Всероссийского земского союза), министром иностранных дел — Милюков (лидер конституционно-демократической партии), министром народного просвещения — Мануйлов (кадет, профессор), министром финансов — Терещенко (беспартийный, близкий к кадетам, товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета), министром торговли и промышленности — Коновалов (прогрессист), министром путей сообщения — Некрасов (товарищ председателя Государственной думы, левый кадет), военным министром — Гучков (октябрист, председатель Центрального военно-промышленного комитета), министром земледелия — Шингарев (кадет), министром юстиции — Керенский (социалист-революционер), государственным контролером — Годнев (член прогрессивного блока, член Государственной думы, близкий к октябристам), обер-прокурором — В. Н. Львов (член Государственной думы из центра).

Согласие Керенского на вступление в правительство было им дано вопреки вынесенному накануне Исполкомом Совета решению (13 голосами против 8) не по-

сылать в правительство представителей демократии. Шаг Керенского был одобрен лишь городской конференцией социалистов-революционеров.

Керенскому удалось на другой день добиться согласия и у Совета, куда он неожиданно явился и произнес бессвязную, но горячую речь, сорвавшую аплодисменты (особого голосования, впрочем, не было, и Керенский, строго говоря, не получил от Совета полномочий).

Временный комитет Государственной думы и Временное правительство не располагали, как мы уже говорили, полнотой власти. Родзянко, например, мог это осознать впервые, когда еще до решающей победы революции хотел ехать к Николаю. Для этого нужен был „пустяк": нужно было получить поезд от железнодорожников. М. Н. Покровский пишет, что Родзянко „должен был послать своего адъютанта просить поезд у только что образовавшегося Исполкома петербургского Совета рабочих депутатов". „Казалось бы,— добавляет Покровский — до очевидности было ясно, где настоящая власть". [1]

После решающих „8 дней" положение отнюдь не изменилось. Гучков писал Алексееву через 9 дней после революции о „критическом положении буржуазной власти".

Значит ли это, что полнотой власти располагал питерский Совет рабочих и солдатских депутатов? Нет, не значит. Все дело в том, что Совет, руководимый эсэрами и меньшевиками, сам не хотел, как известно, пользоваться властью, а передоверял ее (на основе формулы „постольку, поскольку") органу буржуазной власти — Временному правительству.

[1] М. Покровский — „Октябрьская революция", 1929, стр. 80.

Чем объяснить эту позицию эсэро-меньшевистского Совета? И почему в Совете преобладающее влияние получили на первых порах не большевики, а мелкобуржуазные партии эсэров и меньшевиков?

Образование Совета рабочих и солдатских депутатов. Кому принадлежит идея и инициатива организации Совета?

Если проанализировать состояние партийных организаций к моменту Февральской революции, то легко можно понять, почему меньшевики получили большинство в руководящем составе питерского Совета и его Исполкома и почему большевики не были достаточно сильны, чтобы сразу же возглавить революцию, развертывавшуюся не под меньшевистскими, а под большевистскими лозунгами („Долой царя! Долой войну!“). Меньшевики обычно считают себя организаторами питерского Совета на том основании, что 27 февраля освобожденные восставшими рабочими и солдатами из царского плена гвоздевцы и частично лидеры социал-демократической фракции Государственной думы, придя прямо из тюрьмы в Таврический дворец, образовали „Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов“. 27 февраля события происходили действительно так, но тем не менее утверждение меньшевиков, будто они явились творцами и организаторами Совета, надо отнести к числу легендарных и не выдерживающих серьезной критики. Прежде всего начало Совета нельзя датировать 27 февраля, так как выборы в Совет непосредственно на предприятиях происходили, независимо от влияния меньшевиков, значительно раньше. Об этом бегло упоминает Суханов в своих „Записках“. По сведениям

этого автора, выборы в Совет начались, как говорили, еще 24 февраля. [1]

Выборы в Совет происходили вначале в известной мере стихийно, но подготовлены они были предшествующей работой. И меньшевики меньше всего могут претендовать на какие-нибудь заслуги в этом отношении. Не меньшевики, а большевики ставили в годы войны четко вопрос о роли будущих Советов. Так, например, еще в 1915 г. охранка сообщала о планах петербургского комитета большевиков:

„Представители петербургского комитета организуют стачечные комитеты на заводах, из них организуются районные комитеты, на многих заводах роль этих комитетов выполняют продовольственные комиссии". „Главным руководителем стачек явится общегородской стачечный комитет, в каковой войдут делегаты районных комитетов. Общегородской стачечный комитет впоследствии должен принять на себя функции Совета рабочих депутатов". [2]

Совет как орган восстания и революционной власти — этот лозунг был оформлен нашей партией в годы войны. В номере 47 „Социал-демократа" Ленин писал:

„Советы рабочих депутатов и т. п. учреждения должны рассматриваться как органы восстания, как органы революционной власти. Лишь в связи с разви-

---

[1] Суханов — „Записки", т. X, кн. 2, стр. 28. См. ряд других данных в статье Э. Генкиной „Очерки по истории Октябрьской революции", т. II, стр. 82 — 66.

[2] У Э. Генкиной, Граве и др. собран ряд аналогичных фактов, по воспоминаниям активных подпольщиков периода империалистической войны.

тием массовой политической стачки и в связи с восстанием, по мере его подготовки, развития, успеха могут принести прочную пользу эти учреждения". [1] Можно привести и другие указания Ленина в этом же духе (в письмах к Шляпникову и др.).

Образование советов в февральско-мартовские дни 1917 г. не было таким образом неожиданностью и было подготовлено не только опытом 1905 г., но и работой большевиков, главным образом, в период войны.

И если, тем не менее, большевики вначале не смогли стать во главе образовавшегося Совета рабочих и солдатских депутатов, то это надо объяснить не недооценкой роли Совета со стороны нашей партии, а другими причинами.

При этом мы отнюдь не хотим „замазать" тот очевидный факт, что петербургские большевики, несомненно, допустили ошибку, выдвинув в кризисные революционные дни на первый план лозунг Временного революционного правительства вместо ясного и понятного массам лозунга Советов. [2]

---

[1] Ленин, собр. соч., т. XIII, стр. 208.

[2] Ленин писал задолго до Февральской революции: „Вопрос о Временном правительстве с теоретической стороны выяснялся уже неоднократно... Но теперь интереснее другая, практическая постановка этого вопроса, данная октябрем — декабрем (1905 года — *Д. Э.*). Ведь Советы рабочих депутатов и т. п. были на деле зачатками Временного правительства, власть неизбежно досталась бы им в случае победы восстания. Надо перенести центр тяжести именно на изучение данных, зародышевых органов новой власти, на изучение условий их работы и их успеха. Это насущнее, это интереснее в данный момент, чем гадания „вообще" о Временном революционном правительстве" (т. VII, ч. II, стр. 21).

Надо добавить, что большевистская организация, в отличие от меньшевистской, подвергалась в период войны жесточайшему разгрому. Нехватало сил на руководство массами непосредственно в районах и еще в большей степени на достаточно энергичное участие в центральных органах, захваченных, так сказать, явочным порядком представителями мелкобуржуазных партий. При всем этом некоторое пренебрежение работой в центре надо признать ошибкой.

„В дни февральских боев большевики, работники ЦК, бросились в гущу масс, чтобы руководить их борьбой против самодержавия, а меньшевистско-народническая интеллигенция поспешила в Таврический дворец и создала Исполнительный комитет. Большевики в февральско-мартовские дни в Петрограде действовали только „снизу", в то время когда нужно было действовать „и сверху и снизу". Увлеченные практической борьбой, большевики в Петербурге сделали очень мало для общего руководства политической борьбой в первые дни революции". Об этом рассказывал позднее на апрельской общегородской конференции В. Шмидт, об этом же повествует член первого легального петроградского комитета партии В. Залежский в своих воспоминаниях". [1]

Причины успеха меньшевистско-эсэровского блока.

Меньшевики имели свободное поле деятельности и могли орудовать в центре по-своему, не встречая до поры до времени активного противодействия. „Победа" меньшевиков объяснялась, таким образом, отнюдь не тем, что они

[1] „Пролетарская Революция", № 1/13, 1923, стр. 139.

пользовались, якобы, большим влиянием в массах и более четко определили свою позицию, нежели большевики. Напротив, меньшевики имели в первые дни революции (да и позднее) совершенно растерянный вид. Вот характерная картина в воспоминаниях Шляпникова, рисующая поведение меньшевистского лидера Чхеидзе на первом заседании Исполкома петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов:

„Н. С. Чхеидзе во время заседания держался растерянно, молчаливо, машинально ставил на голосование то или иное предложение. Казалось, что происшедшее падение царизма, торжество революции пришибли его своей быстротой и грандиозностью. Он очень часто исчезал из комнаты заседания Временного исполнительного комитета. О каком-либо влиянии его на решения Исполнительного комитета или руководстве событиями через этот революционный орган не могло быть и речи. Его растерянный вид, ответы невпопад— говорили красноречиво о том, что претензий вождя или партийного руководителя он в тот день не имел".

Впрочем, правые лидеры меньшевизма вели себя иначе, более твердо, более целеустремленно, нежели Чхеидзе, лидер „центристского" крыла меньшевистской партии. Под их влиянием меньшевики становятся на путь поддержки буржуазного Временного правительства. Поддержка меньшевиков была равносильна поддержке правительства Советом рабочих депутатов, которым, как мы уже говорили, меньшевики вкупе с эсэрами овладели сейчас же после его образования. Успеху меньшевиков содействовали в немалой степени условия, в которых происходили выборы в Совет.

Меньшевистский временный исполнительный комитет установил такие нормы: заводы избирали по одному депутату на 1000 рабочих, а заводы с меньшим количеством рабочих тоже посылали по одному депутату. Эта своеобразная „конституция" привела к тому, что 87% питерских рабочих имели всего 424 депутата, а мелкие заводы, охватывавшие лишь 13% рабочих, имели почти такое же представительство — 422 депутата.

Один автор, Шелавин, приводит таблицу, которая наглядно иллюстрирует эту оппортунистическую „конституцию". [1]

Предприятия	Число их	Процент рабочих ко всей массе	Проц. депутатов к общ. числу депутатов
Свыше 1.000 рабочих	78	77	42
От 400 до 1.000 рабоч.	61	10	7
„ 100 до 400 „	275	20	21
До 100 рабочих	247	3	30

Крупные предприятия с наиболее передовыми рабочими, охватывавшие свыше $^3/_4$ всей рабочей массы, имели в Совете меньше половины общего числа депутатов. Напротив, мельчайшие предприятия с ничтожным количеством рабочих — до 3% ко все массе — послали почти треть всех депутатов, в десять раз больше, чем бы им следовало по количеству рабочих.

Слияние Совета рабочих депутатов и солдатских представителей в единый Совет еще более укрепило позиции эсэро-меньшевиков и на время растворило

[1] Шелавин — „Рабочий класс и ВКП(б) в Февральской революции", стр. 60.

рабочих-кадровиков в общей крестьянско-солдатской и полукрестьянской массе депутатов, тем более, что за время войны состав рабочих, как известно, сильно разбавился мелкобуржуазными и даже крупнобуржуазными элементами, искавшими на заводах убежища от фронта. [1]

Бессознательная доверчивость масс.

Таким образом, эсэро-меньшевистский оппортунизм имел под собой определенную почву. Не следует, однако, думать, что меньшевики и эсэры опирались только на мелкобуржуазные явно-соглашательские слои. Не меньшее, если не большее значение, чем поддержка оппортунистической верхушки, имела та бессознательная доверчивость масс, которая была естественна на первых порах и которую Ленин предвидел, как неизбежное осложнение в развитии революции. „Боюсь,— писал Ленин Коллонтай 4 марта 1917 г.,— что болезнью повальной теперь будет в Питере „просто" увлечение". Для Ленина было ясно, что массы не смогут сразу раскусить суть „самого тонкого обмана" [2], к которому прибегли меньшевики и эсэры, и он советовал вливать побольше „уксуса и желчи в сладенькую водицу социал-демократических фраз". Психология бессознательной доверчивости особенно характерна, конечно, для солдатско-крестьянской массы. [3]

[1] Неудивительно, что солдатские депутаты в ряде городов имели абсолютное большинство; на некоторых областных съездах Советов рабочие имели едва четвертую часть голосов, например, на съезде Советов Восточной Сибири.

[2] Ленин, собр. соч., т. XX, ч. II, стр. 98.

[3] См., например, воспоминания Н. В. Крыленко о настроениях в армии, „Пролетарская Революция", № 1 — 3, 1927, стр. 147.

Все эти причины — недостаточная организованность рабочих, слабость большевиков, доверие масс к лидерам крупной и мелкой буржуазии — обусловили завершение первого этапа Февральской революции созданием буржуазного Временного правительства, поддержанного Советом рабочих и солдатских депутатов, обусловили своеобразное двоевластие в этот период.

Двоевластие было выражением и следствием неустойчивого соотношения классовых сил, слабости буржуазии и рабочих, и нарушение этого соотношения в ту или иную сторону было лишь „вопросом времени".

„Двоевластие,— писал Ленин,— выражает лишь переходный момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной демократической революции, но не дошла еще до „чистой" диктатуры пролетариата и крестьянства". [1]

Буржуазия не хотела двоевластия, она хотела полностью завладеть властью, но это оказалось ей не под силу. [2] Но и революционный пролетариат не смог устранить буржуазию от власти, так как она была лучше организована, чем пролетариат, и проводила свое влияние на рабочих и солдат через соглашательские мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсэров.

„Буржуазия за единовластие буржуазии,— писал Владимир Ильич.— Сознательные рабочие за единовластие Советов рабочих, батрацких, крестьянских и солдатских депутатов,— за единовластие, подготовлен-

---

[1] Ленин, собр. соч., т. XIV, ч. I, стр. 41.

[2] См. интересные речи Гучкова и Милюкова на частном совещании членов Государственной думы 4 мая 1917 г. (Н. Авдеев — „Революция 1917 года", т. II, стр. 104-105).

ное прояснением пролетарского сознания, освобождением его от влияния буржуазии, а не авантюрами. Мелкая буржуазия,— „соц.-дем.“ с.-р. и пр. и пр.— колеблется, мешая этому прояснению, этому освобождению. Вот фактическое, классовое, соотношение сил, определяющее наши задачи“. [1]

IV. О движущих силах революции и роли буржуазии.

Перейдем сейчас к уточнению вопроса о движущих силах Февральской революции и роли буржуазии в февральско-мартовские дни.

Причины оппозиционности буржуазии.

Буржуазия, конечно, не могла совершенно примириться с тем, что, несмотря на бурный прогресс капиталистического развития России, самодержавие попрежнему оставалось „главой крепостников-помещиков, главой старого чиновничества и генералитета“. На попытки буржуазии стать ближе к источнику верховной власти руководящий помещичий класс отвечал прямым или косвенным ударом по буржуазным организациям. Так, например, весной 1916 г. был разослан циркуляр Особого совещания по государственной обороне о том, чтобы союзам городов и земств и военно-промышленным комитетам впредь не выдавались авансы. В то же время правительство запрещало съезды буржуазных организаций, систематически „очищало“ свои ряды от крамольных министров, замешанных в связях с буржуазными деятелями и даже

[1] Ленин, собр. соч., т. XX, 2-е изд., стр. 96.

Государственную думу, избранную по закону 3 июня, считало необходимым заменить другой, более покорной и угодливой думой, такой, в которой левое крыло занимали бы правые октябристы. [1]

Почти перед самой революцией 1917 г. самодержавие решило, что ему угрожает опасность не столько извне, сколько внутри страны, от „верноподданных", и что благоразумнее будет, пожалуй, заключить сепаратный мир с немцами, чтобы иметь возможность обрушиться на внутреннего врага, на того врага, „который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего". [2] Николай II крайне недоброжелательно относился к участию буржуазных организаций в войне и видел в этом участии „систематический подкоп под меня и все мое управление". [3]

Финансовый капитал стремился к продолжению войны всеми средствами, а самодержавие, олицетворявшее помещичий класс и торговый капитал, было не прочь покончить с этой бесконечной войной, из-за которой надолго из бюджета выпал вывоз хлеба за границу, тем более, что „война из компресса, предохранявшего от слишком высокой температуры внутри страны, превратилась уже в пресс, выталкивающий рабоче-крестьянские массы в революцию". [4]

[1] „Монархия перед крушением", Гиз, 1927, стр. 228.

[2] Там же, стр. 98. О попытках царизма пойти на сепаратный мир с немцами пишут Вильгельм II, Бетман-Гольвег и др. См. также у Семенникова, „Политика Романовых накануне революции" и „Романовы и германские влияния 1914—1927 гг.", 1930.

[3] Лемке — „250 дней в царской ставке", стр. 634.

[4] „История ВКП(б)", под ред. Ем. Ярославского, т. IV, стр. 16.

Руководящая верхушка финансовой и промышленной буржуазии готова была пойти на „крайность“, чтобы не допустить до сепаратного мира,—убрать Николая II и посадить на его место более послушного „буржуазного монарха“, хотя бы Михаила Александровича.

Планы дворцового переворота. Социально-классовое лицо заговорщиков.

Убийство Распутина, фактического правителя и главы дворцовой партии, склонявшейся к заключению сепаратного мира, должно было явиться началом решительных действий против Николая II, если бы последний и после устранения „злого гения“ монархии, после убийства Распутина, вздумал продолжать его политику. Симптоматично во всяком случае, что в убийстве, которое произошло в декабре 1916 г., приняли участие или непосредственно были осведомлены об этом акте, помимо представителей великокняжеской фронды, и прямые представители промышленной буржуазии, как, например, Маклаков, лидер кадетской партии. Известно, что Маклаков передал князю Юсупову, физическому убийце Распутина, цианистый кали и каучуковую гирю—орудия казни временщика, и по уговору с Пуришкевичем, другим физическим убийцей Распутина, первый получил от него условную телеграмму: „Когда приезжаете“, что означало: „Распутина более нет в живых, Россия может вздохнуть свободно“.[1]

Блок между Маклаковым, Пуришкевичем, кн. Юсуповым, вел. кн. Дмитрием Павловичем и некоторыми

[1] „Убийство Распутина“, из дневника Пуришкевича, 1923, стр. 18, 26, 54.

другими великими князьями, из которых относительно резкую оппозицию царю и царице составляли так называемые Владимировичи и Михайловичи,— этот блок был довольно разношерст ым. Владимировичи, например, были явными германофилами и критиковали политику самодержавия под углом зрения недовольства войной; Михайловичи, напротив, более срослись с буржуазными помещиками и стояли на позиции финансовой и промышленной буржуазии, мечтавшей о войне до победного конца; они советовали Николаю еще в конце 1916 г. „даровать желанную ответственность министров перед тобсй и перед законодательными учреждениями".[1] Хотя это и была в общем оппозиция „на коленях", но все же оппозиция, примыкавшая к прогрессивному блоку Государственной думы. Родзянко, Шульгин и даже Пуришкевич были по сути дела, как справедливо указывает С. А. Пионтковский, „убежденные монархисты-землевладельцы, всеми корнями связанные с существованием династии Романовых, но пережившие в это время неумолимый процесс превращения из сословно-дворянского землевладения в буржуазно-дворянское".[2]

Вполне естественно, что по этой причине буржуазные помещики (октябристы и часть националистов) и финансово-промышленная буржуазия (кадеты) могли сколотить довольно тесный блок, который притягивал к себе и элементы великокняжеской фронды, недовольного генералитета и пр. и который мечтал о пред-

[1] „Николай и великие князья", письма, 1925, стр. 19.

[2] См. предисловие С. Пионтковского к мемуарам М. В. Родзянко, „Крушение империи", Прибой, 1927, стр. 6.

отвращении революции снизу маленькой „революцией сверху", дворцовым переворотом.

Небезынтересно, что „в курсе этого дела были Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев, И. А. Чхенкели, А. Ф. Керенский. Они были не только в курсе этого заговора, но, подобно всем другим, ожидали спасения от этого дворцового переворота".[1]

О готовившемся дворцовом перевороте имеется уже богатая литература. Доподлинно известны имена главных заговорщиков: Крымов, Гучков, Терещенко; колебался Родзянко.

Судя по некоторым данным, можно думать, что существовали два кружка заговорщиков — один во главе с Крымовым, другой—из членов прогрессивного блока. Но эти кружки имели теснейшую связь друг с другом, и оба рассчитывали на поддержку армии. И действительно, заговорщики имели, очевидно, на своей стороне ряд высших армейских чинов, в том числе генерала Брусилова, но не только его одного. Об оппозиционных настроениях ген. Рузского, например, упоминает и Деникин в своих „Очерках русской смуты". Даже ген. Алексеев, начальник штаба верховного главнокомандующего, был, несомненно, осведомлен о подготовлявшемся перевороте и готов был примкнуть к Крымову.[2]

---

[1] Шляпников — „Семнадцатый год", книга первая, стр. 54—55.

[2] Милюков утверждает, что Алексеев „собирался перед своей болезнью арестовать императрицу, если бы она приехала в ставку". См. „Россия на переломе", т. I, стр. 22. О связях между Алексеевым и Крымовым упоминает и Лемке в своей книге „250 дней в царской ставке".

Заговорщики выработали определенный план переворота:

„Активным действиям должно было предшествовать последнее обращение к государю одного из великих князей... В случае неуспеха в первой половине марта предполагалось вооруженной силой остановить императорский поезд во время следования его из ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение государю отречься от престола, а в случае несогласия — физическое его устранение".[1]

Почти в тех же словах рисует этот план и А. И. Гучков:

„Захватить по дороге между ставкой и Царским Селом императорский поезд,— говорит он,— вынудить отречение, а затем одновременно при посредстве воинских частей, на которые здесь в Петрограде можно было рассчитывать,[2] арестовать существующее правительство и затем уж объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавляли собой правительство. Таким образом, вы видите, дело пришлось бы иметь не со всей армией, а с очень небольшой ее частью.[3]

Буржуазия заранее стремилась локализировать революционный пожар, не дать ему охватить слишком большое пространство и широкие массы, мысленно учитывая тот крайний случай, если вообще никак не удастся избежать печальной необходимости прибегнуть к насильственному перевороту.

[1] Деникин,—„Очерки русской смуты", т. I, стр. 39.

[2] О существовании оппозиционных кружков в гвардии пишет, например, С. Мстиславский в книге „Гибель царизма", о заговорщиках среди преображенцев упоминает кадетский автор Иван Лукаш в брошюре „Преображенцы", см. стр. 4.

[3] „Падение царского режима", т. VI, стр 278.

Почему буржуазия взяла власть в свои руки?

Но, даже уже став на оппозиционный путь, буржуазия подвигалась вперед к разрешению поставленной ею задачи по методу „шаг вперед — два назад". Первые признаки серьезной ссоры между царизмом и буржуазией обнаружились уже в 1915 г., но буржуазия отнюдь не склонна была использовать военные поражения царизма, чтобы вынудить у него политические уступки. И только дальнейший обострившийся экономический кризис и явно обнаружившаяся неспособность самодержавия привести страну к победе над немцами ставят перед буржуазией во всей остроте вопрос о дворцовом перевороте, т.-е. вопрос о власти: иначе буржуазия рисковала упустить нужный момент и столкнуться лицом к лицу с завладевшим властью более серьезным классовым противником — восставшим пролетариатом. В феврале буржуазия взяла власть в свои руки, главным образом, для того, чтобы она не досталась рабочим.

„Государственной думе ничего не осталось другого,— подчеркивает Родзянко,— как взять власть в свои руки и попытаться хотя бы этим путем обуздать нарождавшуюся анархию и создать такую власть, которую бы послушались все и которая способна была прекратить нарождающуюся беду".[1]

В таком же роде характеризуют свою роль в феврале и другие буржуазные деятели, которые в целом составляли контр-революционную силу.

---

[1] Родзянко — „Государственная дума и февральская 1917 г. революция", Ростов-на-Дону, 1919, стр. 41.

Правое и левое крыло буржуазии.

Тот факт, что среди буржуазии были деятели разных политических оттенков, нимало не меняет общей картины. Вполне понятно, что правое крыло буржуазии в лице своего буржуазно-помещичьего крыла и той части буржуазии, которая была связана с буржуазными помещиками, имело много точек соприкосновения с официальными правящими кругами. Но и левое буржуазное крыло, хотя и считало необходимым проводить „ультимативную тактику", т.-е. требовать осуществления всех постановлений „прогрессивного блока", обнаруживало „страх перед улицей" и стремилось предотвратить подлинно-революционное столкновение между этой „улицей" и самодержавием.

Страх буржуазии перед революцией. „Кадеты".

Правые и левые кадеты, например, находили общий язык, когда речь заходила об опасностях предстоящей революции. Милюков, лидер правых кадетов, считал необходимым „отложить счеты с властью до момента полного поражения внешнего врага",[1] так как „достаточно неосторожно брошенной спички, чтобы вспыхнул страшный пожар... И храни нас бог увидеть этот пожар", говорил Милюков.[2]

Левые кадеты также полагали, что нет ничего ужаснее будущей революции, но, в отличие от правых, считали, что „именно эти-то страхи и должны толкнуть партию к соглашению с союзниками слева. „Если мы не хотим,— говорил лидер левых кадетов Мандельштам,— чтобы предстоящий народный суд над преступ-

[1] „Буржуазия накануне Февральской революции", 1927, стр. 64.
[2] Там же, стр. 62.

ным правительством принял формы дезорганизации, хаоса, бессмысленного бунта,— мы не можем устраняться от народного движения, не можим не стремиться играть в нем руководящую роль".[1]

В общем ни правые, ни левые кадеты не хотели революции. В качестве представителей финансового капитала в России они хотели обеспечить продолжение войны в тесном единении с союзниками, но отнюдь не ценою революции. Прежде всего надо было предотвратить подобный опасный исход. В конце 1916 г. и в начале 1917 г., в связи с широко разлившимся по стране недовольством старой властью, правые кадеты начали опасливо относиться даже к плану дворцового переворота: кто мог поручиться, что дело закончится только сменой одного, скверного, монарха другим, более пригодным? „Поощрять во имя борьбы с правительством деятелей анархической революции,— говорил Милюков на кадетской конференции в октябре 1916 г.,— это значило бы рисковать всеми нашими политическими достижениями, завоеванными с 1905 г."[2]

Даже в феврале, когда революция уже вырвалась наружу, Милюкову все еще кажется, что „инсценируется что-то искусственное".[3]

„Мы не хотели этой революции,— сознавался Милюков бывшему французскому послу в России Палеологу,— она произошла без нас, по вине, по преступной вине императорского режима".[4]

[1] Там же, стр. 82.

[2] Б. Граве—„К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны", 1926, стр. 353.

[3] „Очерки по истории Октябрьской революции", т. II, стр. 60.

[4] Палеолог—„Царская Россия накануне революции", стр. 366.

В решающий день схватки с царизмом Родзянко убеждал военного министра ген. Беляева, беспощадно подавить движение. „Изобразив ему положение дел,— пишет Родзянко,— я указал, что это не простое волнение, что это начинается настоящая революция и что надлежащие энергичные меры должны быть приняты безотлагательно".[1]

Буржуазия „примирилась" с Февральской революцией, как мы видели, лишь потому, что другого выхода для нее не было, но не вследствие коренных своих расхождений с царизмом.

„Победа буржуазной революции у нас невозможна, как победа буржуазии,— писал Ленин задолго до Февральской революции.— Это кажется парадоксальным, но это факт".[2]

Февральская революция подтвердила этот прогноз великого вождя и учителя пролетариата. Конечно, „вечно зеленое дерево жизни" и „серая теория", говоря языком Гете, не совпадают, да и не могут совпасть вполне. Февраль принес много нового, не предусмотренного ни в каких резолюциях,— и прежде всего, как мы видели, в коренном вопросе о власти. Нельзя было предвидеть, что события в феврале сложатся именно так, что англо-французский капитал и русская буржуазия окажутся волей-неволей „революционерами". Но большевики предвидели, что эти неожиданные „союзники" не смогут явиться движущей силой революции. Так и оказалось. Ленин не даром

[1] Цитирую по сборнику С. Алексеева „Февральская революция", мемуары, стр. 37.

[2] Ленин, собр. соч., т. XI, ч. I, стр. 78.

подчеркивал, что „англо-французские и русские капиталисты хотели „только" сместить или даже „попугать" Николая II, оставив неприкосновенною старую государственную машину, полицию, армию, чиновничество".[1]

Движущие силы Февральской революции. Союзники пролетариата.

Подлинно движущими силами Февральской революции были только рабочие и крестьяне, а вначале рабочие и солдаты, т.-е. те же крестьяне в серых шинелях. Анализ событий в решающие дни не оставляет никаких сомнений на этот счет.

В дополнение к фактическому материалу о рабочей и солдатской революции, который дан нами выше (в главе „Решающие дни"), сошлемся еще на известный приказ № 1, продукт творчества самих революционных солдат, по которому солдаты уравнивались в правах со всеми гражданами, отменялось обязательное отдание чести, титулование „ваше благородие" и т. д. Права Э. Генкина, когда говорит, что „в первое время политическая активность солдатской массы шла по линии классовой борьбы между офицерами и солдатами и не касалась пока достаточно серьезно вопроса о характере власти, об отношении к Временному правительству". Приказ № 1, который по мнению буржуазии был чуть не главной причиной развала армии, на деле не был направлен ни против Временного правительства, ни против войны. Он был пропитан лишь законным недоверием солдат к офицерам и стремлением к политической активности, загнанной до революции в глубокое подполье. „То же самое относится и к настрое-

[1] Ленин, собр. соч., т.-XX, 2-е изд., стр. 35.

ниям крестьянства". [1] Но временная слабость солдат и крестьян (в значительной мере и рабочих), слабость, предопределившая исход первого этапа Февраля, нисколько не опровергает верности большевистского анализа движущих сил революции, данного до Февральской революции и в момент этой революции. „Революционная" буржуазия оказалась, как и предвидели большевики, контр-революционной. Пролетариат же сумел приобрести надежного союзника в лице крестьянства и вместе с ним закрепить и углубить революционные завоевания.

„Каковы союзники пролетариата в данной революции?" — спрашивал Ленин в „Письмах издалека", написанных после первых же сведений о свержении самодержавия, и отвечал: „У него два союзника: во-первых, широкая, много десятков миллионов насчитывающая, громадное большинство населенія составляющая масса полупролетарского и (частью) мелкокрестьянского населения в России... Во-вторых, союзник руского пролетариата есть пролетариат всех воюющих и всех вообще стран. ...С этими двумя союзниками пролетариат России может пойти и пойдет, используя особенности теперешнего переходного момента, к завоеванию сначала демократической республики и полной победы крестьянства над помещиками, а затем к социализму, кот рый один даст измученным войной народам мир, хлеб и свободу".[2]

Но пролетариат добился решающего успеха не сразу, а только после восьмимесячной борьбы с контр-

[1] „Очерки по истории Октябрьской революции", т. II, стр. 109.
[2] Ленин, собр. соч., т. XX, 2-е изд., стр. 19-20.

революционной буржуазией и ее попутчиками — мелкобуржуазными партиями. Внутри самой партии рабочего класса — партии большевиков — пришлось преодолеть мелкобуржуазные уклоны, правый и „левый". Партия, борясь на два фронта, выковывала и отстаивала на новом этапе революции, под руководством Ленина, свой стратего-тактический план, тот план, который один лишь в состоянии был привести и действительно привел к победе рабочий класс в Октябрьские дни.

V. Какая революция произошла в феврале.

Стратего-тактический план большевизма.

Ни одна партия, как мы уже указывали, не представляла себе в февральские дни ясно настоящих размеров развернувшихся событий. Большевики не составляли в этом смысле исключения и первое время не выдвигали необходимых лозунгов, недооценивали движение, не руководили им в достаточной мере, хотя и готовились к революции долгие годы. Большевистские листовки первых дней революции отражают эту слабость партийного руководства, коренившуюся в общей слабости партийной организации в тот период.

Большевики до приезда В. И. Ленина в Россию.

Выработка партийной „платформы", партийных взглядов в последующие дни, до приезда В. И. Ленина в Россию из эмиграции, обнаружила ту же слабость и разноголосицу по самым коренным вопросам.

Петербургский комитет партии, в противовес выборгскому районному комитету, считал необходимым не противодействовать власти Временного правитель-

ства, „постольку, поскольку его действия соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа". На иной позиции стояло, вместе с выборгским районным комитетом партии, бюро Центрального Комитета, указывая, что „теперешнее Временное правительство по существу контр-революционное, так как состоит из представителей крупной буржуазии и дворянства, а потому с ним не может быть соглашений". По словам Шляпникова, бюро выдвигало требование образования „Временного революционного правительства из рядов тех партий, которые входили в то время в Совет". Хотя эта резолюция и давала верную оценку классовой сущности Временного правительства, но и она не ставила вопроса о передаче власти Советам. Бюро ЦК рассматривало Советы только как зачатки революционной власти и указывало, что Советы должны будут взять на себя ряд функций государственно-экономического характера. Таким образом на Советы возлагались функции частичной власти, но не всей власти. Кроме того, бюро ЦК продолжало твердить о „диктатуре пролетариата и крестьянства", некритически повторяя старый дореволюционный лозунг, и в отдельные моменты колебалось и переходило на позицию петербургского комитета партии, делая тем самым шаг назад по сравнению с первоначальной позицией.[1]

Внутрипартийная обстановка была в тот момент очень сложна. В партии были сильны и „левый", и правый уклоны, особенно правый. Во главе правого

[1] „Первый легальный ЦК большевиков в 1917 г.". Протоколы ЦК, стр. 41.

крыла партии стоял прибывший в Петроград из ссылки Л. Б. Каменев. [1]

Ленинские взгляды одержали верх в результате борьбы на два фронта — с ультра-левыми перехлестываниями и, главное, право-оппортунистическими шатаниями ряда „старых большевиков", как их называл иронически Ленин.

Ленинский стратего-тактический план.

Как вырабатывался ленинский стратего-тактический план? В письме от 17 марта (нов. стиля) к А. М. Коллонтай Ленин так формулирует основную задачу партии:

„По-моему, главное теперь — не дать себя запутать в глупые „объединительные" попытки с социал-патриотами (или, еще опаснее, колеблющимися в роде Организационного комитета, Троцкого и К°) и продолжать работу своей партии в последовательно-интернациональном духе". [2] Ленин предвидел, что революции придется пройти через этап „бессознательной доверчивости" или „доверчивой бессознательности" массы, и своевременно предостерегал:

„...ни тени доверия и поддержки новому правительству (ни тени доверия Керенскому, Гвоздеву, Чхенкели, Чхеидзе и К°), и вооруженное выжидание, вооруженная подготовка более широкой базы для более высокого этапа". [3]

---

[1] Отметим кстати, что приехавшие вместе с т. Каменевым в Петербург тт. Сталин и Муранов уже в середине марта отмежевались от его оппортунистической позиции.

[2] Ленин, собр. соч., т. XX, 2-е изд., стр. 7.

[3] Там же, стр. 8.

„Новое правительство,— читаем мы в тезисах 17 марта,— не может дать ни народам России (ни тем нациям, с которыми связала нас война) ни мира, ни хлеба, ни полной свободы, и потому рабочий класс должен продолжать свою борьбу за социализм и за мир, должен использовать для этого новое положение и разъяснить его для самых широких народных масс". [1]

Почему? „Новое правительство,— отвечает Ленин,— не может дать мира как потому, что оно является представителем капиталистов и помещиков, так и потому, что оно связано договорами и денежными обязательствами с капиталистами Англии и Франции". [2] „Не только данное правительсто, — продолжает Ленин, — но и демократически-буржуазное правительство, если бы оно состояло только из Керенского и других народнических и „марксистских" социал - патриотов, не в состоянии избавить народ от империалистской войны и гарантировать мир". [3]

В этих тезисах, равно как и в „Письмах издалека", Ленин еще исходит из того, что буржуазно - демократическая революция не завершена, и поэтому выдвигает перед пролетариатом задачу „укрепить и развить свой союз со всеми слоями трудящейся массы в городе и деревне, чтобы оказать беспощадное сопротивление царской реакции и раздавить до конца царскую монархию". [4] В первом „Письме издалека" Ленин говорит еще, как о необходимом этапе революции,

---

[1] Ленин, собр. соч., т. XX, 2-е изд., стр. 9-10.
[2] Там же, стр. 10.
[3] Там же, стр. 12.
[4] Там же, стр. 9.

о завоевании „сначала“ демократической республики. [1] Но в этом же письме Советы рабочих депутатов уже рассматриваются как „зародыш рабочего правительства. В „Прощальном письме к швейцарским рабочим“, написанном 8 апреля (26 марта), Ленин еще яснее подчеркивает, что Советы должны заменить „старые орудия угнетения буржуазных государств, армию, полицию, чиновничество“. [2] Здесь еще не дается лозунг „вся власть Советам“, но Ленин уже чрезвычайно близко подходил к этой идее. В письме „О пролетарской милиции“ (третьем „Письме издалека“), написанном еще за две недели до письма швейцарским рабочим, Ленин говорит уже не о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, а о демократической „диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства“, что означало, конечно, шаг вперед к постановке вопроса о диктатуре пролетариата и к следующему этапу — социалистической революции. [3]

Таким образом, между ленинскими тезисами 1915 г. (о них мы уже упоминали в главе об исторических истоках февраля) и апрельскими тезисами 1917 г. име-

---

[1] Ленин, собр. соч., т. XX, 2-е изд., стр. 20.

[2] Там же, стр. 69.

[3] Идея власти Советов довольно четко вырисовывается уже в более раннем ленинском документе, в первом отклике Ленина на Февральскую революцию — в письме к А. М. Коллонтай от 3 (16) марта. В этом письме Ленин еще рекомендует, с одной стороны, вести „республиканскую пропаганду“, но, с другой стороны, указывает и цель пропаганды. „По прежнему,— пишет Ленин,— революционная пропаганда, агитация и борьба с целью международной революции и завоевания власти „Советами рабочих депутатов“ (а не кадетскими жуликами)“. (т. XX, 2-е изд., стр. 6).

ется ряд переходных звеньев, отмечающих тот путь, которым Ленин шел при выработке своего стратего-тактического плана в период Февральской революции.

Октябрьские тезисы 1915 г. и апрельские тезисы 1917 г.

Напомним, что уже в 1915 г. в статье „Несколько тезисов" Ленин предвосхищал будущие мартовские и апрельские тезисы, указывая, что в период войны социалистическая революция в России вплотную приблизилась к демократической, — стала рядом с ней и составляет „неразрывную составную часть социалистической революции на Западе". Ленин считал октябрьские тезисы (1915 г.) основным партийным документом (до появления апрельских) и в письме к Ганецкому от 30 марта требовал их переиздания: „Эти тезисы говорят прямо, ясно, точно, как нам быть при революции в России, говорят за $1^1/_2$ года до революции. Эти тезисы замечательно, буквально, подтверждены революцией". [1] Ленин повторял неоднократно, что жизнь подтвердила старый большевистский анализ при том соотношении сил, о котором говорили большевики, задолго до февральских дней. [2] Но Февраль, а до того столыпинщина и империалистическая война, как мы видели, принесли вместе с тем много нового, своеобразного, не предусмотренного схемой 1905 г. Старые лозунги на новом крутом повороте истории явно устарели. Ленин это понял раньше и лучше других и потому со всей силой выдвинул новые лозунги, новые тезисы.

Новый стратего-тактический план уже созрел в го-

[1] Ленин, собр. соч., т. XX, 2-е изд., стр. 54.

[2] Ленин — „Письма о тактике", т. XX, 2-е изд.

лове Ленина к моменту его приезда в Россию, и первый возглас, с которым он обратился к встречавшим его на вокзале рабочим и солдатам, был возглас: „Да здравствует всемирная социалистическая революция".

„Это был, собственно, не только не ответ на „приветствие" Чхеидзе,— говорит Н. Суханов, передавая свои впечатления от встречи Ленина, прибывшего в Петроград 3 (16) апреля.— Это был не ответ, это не был отклик на весь „контекст" русской революции, как он воспринимался всеми — без различия — ее свидетелями и участниками. Весь „контекст" нашей революции (если не Чхеидзе) говорил Ленину про Фому, а он прямо из окна своего запломбированного вагона, никого не спросясь, никого не слушая, ляпнул про Ерему... Очень было любопытно. Нам, неотрывно занятым, совершенно поглощенным будничной черной работой революции, текущими нуждами, насущными сейчас, но незаметными „в истории" делами,— нам вдруг к самым глазам, заслоняя от нас все, чем мы „были живы", поднесли яркий, ослепляющий, экзотического вида светильник... Голос Ленина, раздавшийся прямо из вагона, был „голос извне". К нам в революцию ворвалась, правда, нисколько не противоречащая ее „контексту", не диссонирующая, но новая, резкая, несколько ошеломляющая нота". [1]

[1] Н. Суханов — „Записки о революции", кн. I, стр. 13 — 16. Отметим кстати, что легенда о „пломбированном вагоне", в котором якобы Ленин приехал из-за границы (на деле никакого пломбированного вагона не было) понадобилась буржуазии после того, как новый ленинский план произвел впечатление разорвавшейся бомбы Ленин и ряд других революционных деятелей, в том числе и меньшевики, проехали в Россию через Германию, так как Антанта чинила

На следующий день, 4 апреля, Ленин выступил с докладом о новых задачах перед фракцией всероссийского совещания Советов и петроградского Совета и повторил свою речь, по просьбе меньшевиков, на объединительном собрании всех социал-демократов участников совещания. Тезисы буквально ошеломили собравшихся, и не только меньшевиков, но и многих большевиков. На заседании петербургского комитета партии 8 апреля тезисы Ленина собрали всего два голоса при 13 против и 1 воздержавшемся. [1]

Такая же картина наблюдалась в Москве и в ряде других центров. Но Ленин неутомимо продолжал пропаганду своих взглядов и перетягивал большинство на свою сторону. На общегородской петроградской конференции, открывшейся 14 апреля, а затем на всероссийской апрельской конференции Ленин уже добился определенного перелома в партии.

„Вся власть Советам".

В чем суть ленинских тезисов? Ленин по-иному, нежели тогдашние правые и ультра-левые, ставил вопрос о характере революции, о власти, об отношении к Временному правительству и Советам, о войне, о роли партии.

„Не парламентарная республика,— возвращение к ней от Советов рабочих депутатов было бы шагом назад,— а республика Советов рабочих, батрацких и крестьян-

---

затруднения возвращению на родину интернационалистов. Ленин искусно прорвал блокаду, установленную союзниками при фактическом согласии Временного правительства. Таков смысл проезда Ленина в так называемом пломбированном вагоне.

[1] Протоколы ПК за 1917 г., стр. 88.

ских депутатов по всей стране, снизу доверху", [1] — таков был центральный ленинский тезис.

„Сейчас мы переживаем переходный момент,— говорил Ленин на всероссийской апрельской конференции.— Мы явно выдвинули формы, которые не походят на формы буржуазных государств: Советы рабочих и солдатских депутатов — такая форма государства, которой ни в одном государстве нет и не было. Это такая форма, которая представляет первые шаги к социализму и неизбежна в начале социалистического общества. Это факт решающий. Русская революция создала Советы. Ни в одной буржуазной стране мира таких государственных учреждений нет и быть не может, и ни одна социалистическая революция не может оперировать ни с какой властью, кроме этой. Советы рабочих и солдатских депутатов должны взять власть не для создания обычной буржуазной республики или непосредственного перехода к социализму. Этого быть не может. Для чего же? Они должны взять власть для того, чтобы сделать первые конкретные шаги к этому переходу, которые можно и должно делать". [2]

„Вся власть Советам"— этот лозунг стал центральным лозунгом партии. Несмотря на то, что руководящее большинство в Советах принадлежало тогда, в апреле и позже, меньшевикам и эсэрам, большевики считали целесообразным выдвинуть этот лозунг.

Эта тактика предопределялась в основном тем своеобразным соотношением сил, которое сложилось в начальный период Февральской революции и кото-

[1] Ленин, собр. соч., т. XX, 2-е изд., стр. 88.

[2] Там же, стр. 250.

рое характеризовалось, „с одной стороны, максимумом легальности (Россия сейчас, — подчеркивал Владимир Ильич,— самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма. [1]

Доверчиво-бессознательное отношение масс к Временному правительству и то настроение их, которое Ленин именовал добросовестным оборончеством, диктовали определенную тактику и по вопросу о завоевании власти, о завоевании пролетариатом руководящих революционных органов.

„Никакой поддержки Временному правительству",— читаем мы в апрельских тезисах.

На вопрос — надо ли тотчас свергнуть Временное правительство? — Ленин отвечал:

„...1) его надо свергнуть — ибо оно олигархическое, буржуазное, а не общенародное, оно не может дать ни мира, ни хлеба, ни полной свободы; 2) его нельзя сейчас свергнуть, ибо оно держится прямым и косвен-

[1] Из апрельских тезисов, там же, стр. 88. Однако этого тезиса не нужно понимать в том смысле, что Ленин навсегда снимал выдвинутый в период войны лозунг гражданской войны. „Мы за гражданскую войну,— говорил Ленин на апрельской всероссийской конференции,— но только тогда, когда она ведется сознательным классом. Можно свергать того, кто известен народу, как насильник. Теперь же насильников никаких нет, пушки и ружья у солдат, а не у капиталистов, капиталисты не насилием берут сейчас, а обманом, и кричать сейчас о насилии нельзя, это бессмыслица". Ленин подчеркивал, что „мы пока отказываемся от этого лозунга" (гражданской войны — *Д. Э.*), но только пока" (т. XX, стр. 246).

ным, формальным и фактическим соглашением с Советами рабочих депутатов и главным Советом, питерским, прежде всего; 3) его вообще нельзя „свергнуть“ обычным способом, ибо оно опирается на „поддержку“ буржуазии вторым правительством, Советом рабочих депутатов, а это правительство есть единственно возможное революционное правительство, прямо выражающее сознание и волю большинства рабочих и крестьян. Выше, лучше такого типа правительства, как Советы рабочих, батрацких, крестьянских, солдатских депутатов, человечество не выработало и мы до сих пор не знаем“. [1]

Против „революционного оборончества“. Братание.

Позиция партии по вопросу о войне, о социал-шовинизме, о „революционном оборончестве“ определялась следующим ленинским тезисом: „В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К⁰ безусловно остается грабительской империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки „революционному оборончеству“. [2]

Возможность революционной войны не исключалась. Но „на революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество,— говорилось в тезисах далее,— сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех ан-

[1] Ленин, собр. соч., т. XX, 2-е изд., стр. 15-16.

[2] Там же, стр. 87.

нексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала". [1]

Одним из пунктов тезиса о войне было всего лишь одно, но многозначительное слово: „братание".

Ленин считал не вполне удовлетворительным, хотя и верным лозунг „долой войну", так как лозунг этот не учитывал „своеобразия задач момента, необходимости иначе подойти к широкой массе". „Он похож,— говорил Владимир Ильич,— по-моему, на лозунг „долой царя", с которым неумелый агитатор „доброго старого времени" шел просто и прямо в деревню — и получал побои". [2]

„Нельзя окончить эту войну отказом солдат одной стороны от продолжения войны,— указывала всероссийская конференция РСДРП(б),— простым прекращением военных действий одной из воюющих сторон". [3]

Надо было твердо отстаивать интернационалистские позиции, не пойти на какие бы то ни было уступки „революционному оборончеству".

За немедленную конфискацию земли.

Из других тезисов особого внимания заслуживают тезисы о земле и о создании революционного Интернационала. Приводим тезис о земле:

„В аграрной программе перенесение центра тяжести на советы батрацких депутатов. Конфискация всех помещичьих земель. Национализация всех земель в стране, распоряжение землею местными Советами батрацких и крестьянских депутатов. Выделение Советов депута-

[1] Ленин, собр. соч., т. XX, 2-е изд., стр. 87.

[2] Там же, стр. 118.

[3] Петроградская всероссийская конференция РСДРП(б), стр. 157.

тов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере от 100 дес. до 300 по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем батрацких депутатов и на общественный счет".

Ленин выдвигал идею национализации земли, идею, собственно, не новую, оформленную впервые еще на IV объединительном съезде. Но в данном случае большевики стояли за немедленную конфискацию. Эсэры говорили, что захват земли пойдет на пользу не бедноте, а кулакам. Доводы господ Масловых были явно несостоятельны, они искажали ленинскую позицию. Ленин не говорил: „Захватил, поделил — и баста". „Это был бы, действительно, верх анархизма, верх бессмыслицы". Большевики говорили иное, а именно, что „помещичьи земли должны быть тотчас конфискованы, т.-е. собственность на них отменена тотчас и притом без выкупа".

„А как быть с владением этими землями?" — спрашивал Ленин.—„Кто должен сразу завладеть ими, засеять их? Местные крестьяне и притом организованно, т.-е. по решению большинства. Вот совет нашей партии". [1] Так отвечал Ленин.

Национализация земли означала коренную ликвидацию помещичьего землевладения, передачу земли в руки народа и уничтожение всякой иной аренды, кроме аренды „у всего народа", другими словами, национализация сама по себе была еще буржуазной мерой, но такой мерой, которая не могла не нанести удар по частной собственности вообще. Национализация земли, по

[1] Ленин, собр. соч., т. XX, 2-е изд., стр. 395.

мысли енина, должна была стать необходимым историческим этапом на пути к социалистическому земледелию.

Еще яснее выражена ленинская мысль, направленная против ультра-левого загиба о немедленном социализме, в следующем тезисе: „Не „введение" социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов". Рабочий контроль над производством должен был явиться средством экономического обезоружения буржуазии и в то же время предотвратить распыление рабочего класса и впредь до подготовки пролетариата к захвату власти вырвать у буржуазии такое мощное орудие классовой борьбы, как локаут.

Интернационал против шовинистов и „центра".

Тезис об Интернационале гласил: „Обновление Интернационала. Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против „центра". [1]

В тех же тезисах Ленин выдвигал, кроме того, ряд задач внутрипартийного строительства: немедленный созыв съезда, перемена программы партии, перемена названия партии.

Партия должна была перестроиться в соответствии с задачами на новом этапе революции.

Мы уже мельком упоминали о разнообразных течениях внутри партии в тот период. Борьба за генеральную линию шла, как всегда, на два фронта — и с „левыми", и с правыми и с примиренческим отношением к обоим уклонам.

[1] Ленин, собр. соч., т. XX, 2-е изд., стр. 89.

Ультра-левые. Почему был неверен лозунг „долой Временное правительство“.

Чего хотели „левые“? Они требовали „решительных“ мер по отношению к Временному правительству, не считаясь с фактом поддержки его Советом рабочих и солдатских депутатов. Выборгский комитет, например, по словам т. Дингельштедта, провел в эти дни массовые митинги рабочих и солдат, почти единогласно принявшие резолюции о свержении Временного правительства. [1] На одну такую резолюцию, расклеенную районным комитетом партии по городу, петербургский комитет наложил запрещение. В так называемые „апрельские дни“ (демонстрации в связи с милюковской нотой о верности союзникам) Центральный Комитет, в свою очередь, пытался задержать лозунг некоторых членов ПК „Долой Временное правительство“, но не успел.

„Если мы сейчас же не приступим к делу, то нам надо совсем удалиться“, говорил один делегат (Рахия) на петроградской общегородской конференции партии. [2] „Не надо бояться гражданской войны. Необходимо форсировать события“,[3] говорил другой делегат (Богдатьев) на всероссийской партийной конференции. „Левые“ отстаивали лозунг „долой Временное правительство“, лозунг, который, как мы видели, был признан Лениным неверным. [4]

[1] „Красная летопись“, № 1 (12), 1925.

[2] „Петроградская общегородская и всероссийская конференции“, стр. 31.

[3] „Петроградская общегородская и всероссийская конференции“, стр. 62.

[4] Богдатьев, например, формулировал свою позицию следующим образом: „Лозунг „долой Временное правительство“ состоит в том,

Осуждая богдатьевский левый загиб, Ленин говорил на апрельской конференции: „Мы желали произвести только мирную разведку сил неприятеля, но не давать сражения, а ПК взял чуточку левее, что в данном случае есть, конечно, чрезвычайное преступление. Организационный аппарат оказался не крепок: не все проводят наши постановления. Вместе с правильным лозунгом „да здравствуют Советы рабочих и солдатских депутатов" был дан неправильный: „долой Временное правительство". В момент действия брать „чуточку полевее" было неуместно. Мы рассматриваем это как величайшее преступление, как дезорганизацию. Мы не остались бы ни минуты в ЦК, если бы сознательно допустили этот шаг. Произошло это из-за несовершенства организационного аппарата. Да, у нас в организации были недостатки. Поставлен вопрос об улучшении организации". [1]

Правый уклон (группа Каменева).

Одновременно с разоблачением „левого" уклона Ленин вскрывал мелкобуржуазную сущность и другого, еще более опасного, правого уклона, пред-

что диктатуры крестьянства и пролетариата нет, но что она практически и логически необходима как лозунг или ближайшая перспектива, стоящая перед нами".

[1] Ленин, собр. соч., т. XX, 2-е изд., стр. 252. Отметим кстати, что „богдатьевщина" была не единственным проявлением левого уклона в нашей партии в начальный период Февральской революции. Еще более серьезное значение имели разногласия между Лениным и группой Бухарина — Пятакова по национальному вопросу и по вопросу о партийной программе; разногласия, получившие дальнейшее развитие после споров в годы войны. На всероссийской конференции в апреле 1917 г. эти споры проявились во всей глубине и остроте.

ставленного тт. Каменевым, Ногиным, Рыковым и др. Правые развили весьма активную деятельность еще до приезда В. И. Ленина в Россию. В их руках находилась одно время „Правда“, центральный орган партии. Как ни несовершенна и нечетка была позиция бюро Центрального Комитета партии в первые дни Февраля, она все же была несравненно ближе к ленинской линии, нежели та линия, которую проводил т. Каменев и ряд других товарищей, солидаризировавшихся с ним. Достаточно сравнить оценку Временного правительства, данную бюро ЦК партии в „Правде“ 26 марта, и оценку того же Временного правительства, сделанную Каменевым на партийном совещании 28 марта. Резолюция ЦБ была, несомненно, сильно ухудшена поправками Л. Б. Каменева в полуоборонческом и полуцентристском духе, как по вопросу об отношении к Временному правительству, так и по вопросу о войне. Еще дальше вправо отступил Каменев на всероссийском совещании Советов, где он выступил с предложением „осуществлять бдительный контроль над действиями Временного правительства в центре и на местах, побуждая его к самой энергичной борьбе за полную ликвидацию старого режима“. [1] Каменев, таким образом, скатывался к меньшевистской позиции давления на Временное правительство.

В № 9 „Правды“ от 15 марта Л. Б. Каменев открыто писал о лозунге давления:

„Не дезорганизация революционной и революционизирующейся армии и не бессодержательное „долой

[1] В. Максаков и Н. Нелидов—„Хроника революции“, вып. I, 1923, стр. 28.

войну"— наш лозунг; давление на Временное правительство, с целью заставить его открыто перед всем миром демократии немедленно выступить с попыткой склонить все воюющие страны к немедленному открытию переговоров о способах прекращения мировой войны. А до тех пор каждый остается на своем посту". [1] 18 марта Каменев говорил на собрании петербургского комитета партии: „Теперь вопрос: гнать ли Временное правительство к краху? По-моему, нам еще невыгодно". [2]

„Мы на контроль не пойдем".

Эта позиция Каменева — позиция давления, контроля над временным правительством — отвергалась Лениным, как совершенно недопустимая, как оппортунистическая. „Мы на контроль не пойдем", говорил Ленин. [3]

Ошибки Каменева по вопросу о войне были не менее серьезны. Мы выше уже привели весьма характерную цитату из статьи Каменева „Без тайной дипломатии", иллюстрирующую его тогдашние полуоборонческие настроения. Симптоматично и то, что Каменев (а также Муранов) целиком присоединился к известному центристскому и пацифистскому воззванию петроградского Совета от 14 марта „К народам всего мира".

Этими чрезвычайно важными, но все же отдельными расхождениями — по вопросу о Временном правительстве и войне — споры внутри партии не ограничивались они получили дальнейшее развитие, углубились и заострились после опубликования ленинских тезисов.

[1] См. документы и материалы в XX т. собр. сочин. Ленина, 2-е изд., стр. 602.

[2] „Пролетарская революция", № 2—3, 1927, стр. 61-62.

[3] „Петроградская общегородская и всероссийская конференции", стр. 75.

Каменев так отозвался на этот важнейший исторический документ: „... Что касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от буржуазно-демократической революции, законченной и рассчитанной на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую".

Каменев требовал широкой дискуссии, надеясь „отстоять свою точку зрения как единственно возможную для революционной социал-демократии, поскольку она хочет и должна остаться партией революционных масс пролетариата, а не превратиться в группу пропагандистов-коммунистов". [1]

Что утверждал Каменев? Он утверждал, что буржуазно-демократическая революция не закончилась, что в связи с этим в России произойдет в будущем еще одна буржуазно-демократическая революция, что на данном этапе исключается возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и что надо готовить новую революцию, но не социалистическую, а такую, в которой осуществилась бы революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Ленин, в противовес Каменеву, говорил: „Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства" уже осуществилась (Ленин добавлял в примечании: „в известной форме и до известной степени") в русской революции, ибо эта „формула" предвидит лишь соотношение классов, а не конкретное политическое учреждение, реализующее

[1] Ленин, собр. соч., т. XX, 2-е изд., стр. 608 (документы и материалы).

это сотрудничество. „Совет рабочих и солдатских депутатов" — вот вам уже осуществленная „революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства". [1]

Каменев оставался, по сути дела, целиком на позициях „старого большевизма", в то время как Ленин полагал, что „старые „формулы", например, большевизма надо уметь дополнить и исправить, ибо они, как оказалось, были верны в общем, но конкретное осуществление оказалось иное". [2]

„Переход государственной власти из рук одного в руки другого класса,— писал Ленин,— есть первый, главный, основной признак революции как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия. Постольку буржуазная или буржуазно-демократическая революция в России закончена". [3]

Эти свои мысли Ленин широко развил как в печати, так и в своих устных выступлениях, особенно на всероссийской апрельской конференции. Каменев пытался на этой конференции противопоставить ленинскому плану, ленинской тактике свой полуменьшевистский план, свою насквозь оппортунистическую тактику, но был разбит на-голову. Апрельские тезисы стали в итоге работ конференции признанной программой партии. Каменевская же „платформа" с ее меньшевистской оценкой роли крестьянства в демократической и пролетарской революции была отброшена подобно тому, как отброшена была партией

[1] Ленин, собр. соч., т. XX, 2-е изд., стр. 101.
[2] Там же, стр. 94.
[3] Там же, стр. 100.

и троцкистская недооценка роли крестьянства в революции. Каменев и Троцкий в определенном пункте тесно сближались между собой.

Февраль под углом зрения эсэро-меньшевиков.

Этим закончился определенный этап внутрипартийной борьбы за ленинский стратего-тактический план.

Борьба за этот план развертывалась, конечно, и во вне, в спорах с мелкобуржуазными оппортунистами, с меньшевиками и эсэрами, составлявшими средостение между большевистской партией и широкими массами рабочих и беднейшего крестьянства.

Буржуазные революции такого типа, как революции 1848 г. во Франции и в Германии, кончались обычно компромиссом между либеральной буржуазией и королевской властью. В России революция пошла вначале по аналогичной дорожке, с тем отличием, что королевскую (царскую) власть сменила империалистская буржуазия, а либеральную буржуазию — мелкобуржуазные соглашательские партии, которые, по выражению Ленина, „примиряли“ рабочих и крестьян с продолжением империалистской войны и пытались установить „контактную комиссию“ между империализмом и народной революцией. [1] Разоблачение этой предательской роли и мелкобуржуазной классовой сущности эсэро-меньшевиков в эпоху империализма и особенно с момента перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую должно было стать и стало одной из главнейших задач партии рабочего класса.

[1] Ленин „— План брошюры об апрельской конференции“, „Ленинский сборник“, IV, стр. 289.

Большевики имели своей целью свержение империалистской буржуазии, но для достижения этой цели главный удар должен был быть нанесен прежде всего меньшевикам и эсэрам. Это одна из отличительных черт стратего-тактического плана большевизма в период от Февраля к Октябрю. [1] „Левые" меньшевики („интернационалисты") были не менее, если не более, опасны и вредны, нежели правые меньшевики (и центр), поскольку все они организационно были связаны воедино и стояли на общей позиции по вопросу об оценке характера Февральской революции. И правые (оборонцы), в лице Потресова, Либера, не говоря уже об архиправом Плеханове, образовавшем свою собственную крошечную организацию под названием „Единство", и центр (Дан), и „левые" (Мартов) не шли дальше задач буржуазно-демократической революции и, оставаясь верными своей старой схеме, попрежнему считали гегемоном в этой революции либеральную буржуазию, а себя рассматривали как „крайнюю оппозицию". [2]

„Даже в наше время, являющееся предисловием к мировой социалистической истории, в общественно-

[1] О роли мелкой буржуазии в революции см. у Маркса — „Гражданская война во Франции", „Обращение ЦК к союзу коммунистов", „18 брюмера"; у Энгельса — „Революция и контр-революция в Германии"; у Ленина — „Детская болезнь „левизны" в коммунизме".

[2] Впрочем, эта тактика оставалась в силе только в течение первых двух месяцев революции. В мае 1917 г. меньшевики отказались от старой тактики и согласились принять участие в коалиционном правительстве. Классовая сущность новой тактики мелкобуржуазного соглашательства после этого шага отнюдь не изменилась к лучшему наоборот, эта тактика стала еще более резко антиреволюционной и антипролетарской.

отсталой стране, в особенности же в такой исключительно отсталой, как Россия, к моменту буржуазной революции наиболее социально и психологически подготовленной для решения общенациональных задач оказывается все та же буржуазия", писала меньшевистская „Рабочая газета" в первом же номере после революции. „Власть, идущая на смену царизма, должна быть только буржуазной, — подтверждал „левый" Суханов. „Мартовская революция 1917 года — писал Аксельрод — является буржуазной революцией в полном классическом смысле этого понятия".

Для чего меньшевики шли в Советы? Для того, оказывается, чтобы прочищать дорогу буржуазной революции, — и только. Так откровенно пишет Мартов, не просто „левый" (меньшевик, а главный лидер всего „левого" крыла меньшевизма. Мартов считал нелепой идею советской власти, так как полагал, что Советы возможны только в странах отсталых, где их возникновение оправдывается необходимостью борьбы с докапиталистическими формами классового угнетения, но отнюдь не в передовых капиталистических странах.[3]

По вопросу о войне между просто „оборонцами" и „революционными оборонцами" („интернационалистами")

[1] Н. Суханов — „Записки о революции", кн. I, стр. 17.

[2] Ортодокс — „Революция и догматизм", „Дело", №№ 3—6, 1917, стр. 23.

[3] Мартов писал, что нельзя навязывать европейским странам Советы, которые представляют собою только „своеобразное видоизменение, в соответствии с выросшей общественной ролью пролетариата крупной промышленности, форм политического воздействия революционных масс, в 1792—1793 гг. („секции", „клубы...)" (см. сборник статей „За год", 1918, стр. 21).

опять-таки, особенно после революции, не было существенной разницы, в такой же мере сливались позиции всех меньшевиков и в области аграрной проблемы (правый П. П. Маслов и сравнительно „левый" Рожков выдвигали вместо конфискации выкуп помещичьих земель).

Тактика социалистов-революционеров, действовавших в тесном блоке с меньшевиками, была однородной, если не считать отдельных отступлений, большей частью, еще более вправо, в сторону откровенной солидаризации с империалистской буржуазией. В отличие от меньшевиков, эсэры, например, в первые же дни революции разрешили своему представителю — Керенскому — войти во Временное правительство. Как и меньшевики, эсэры считали „настоятельно необходимой поддержку Временного правительства, поскольку оно будет выполнять объявленную им политическую программу."[1]

Эсэры, при всем различии внутрипартийных течений, высказывались за поддержку войны и против братания, против немедленной конфискации помещичьих земель, против „анархического распыления революции" (кивок в сторону большевиков) и за „сосредоточение сил революционно-социалистической демократии на задачах созидательного творческого характера".[2]

[1] Из резолюции петроградской конференции партии социалистов-революционеров, см. „Дело народа", № 1, 1917; цитируем по книге Н. Карпова и М. Флиднера — „Хрестоматия по ленинизму", ч. III, стр. 215.

[2] Из резолюции III съезда партии социалистов-революционеров (25 мая — 4 июня 1917 г.), „Хрестоматия по истории Октябрьской ре-

После доклада Ленина на объединенном собрании меньшевиков и большевиков 4 апреля Н. С. Чхеидзе так охарактеризовал свое отношение к новой платформе большевизма: „Вне революции останется один Ленин, а мы все пойдем своим путем“...[1]

Чхеидзе говорил здесь не только от имени меньшевиков, но и от имени всей (как тогда говорили) „революционной демократии“.

Перевооружился ли большевизм?

Ленинский план приходилось отстаивать и против Троцкого, против его пресловутой теории „перманентной революции“. Троцкий и в самый момент Февральской революции и позднее, вплоть до наших дней, оставался в уверенности, что революция подтвердила, якобы, его схему.

„Если бы победоносная революция развернулась,— писал Троцкий в „Уроках Октября“,— по тому пути, началом которого были июльские события 1914 года, низвержение царизма означало бы, по всей вероятности, непосредственный приход к власти революционных рабочих советов, которые, через посредство (на первых порах!) левых народников, вовлекали бы в свою орбиту крестьянские массы.[2]

Что означает „непосредственный приход к власти революционных рабочих советов“? Без сомне-

волюции“ С. А. Пионтковского, 1924, стр. 97. Меньшевики и эсэры выступали против апрельских тезисов Ленина единым широким фронтом.

[1] Из отчета, помещенного в газете „Единство“, № 5, от 5 апреля 1917 г.

[2] Л. Троцкий — „1917 год“, ч. I, стр. XIX.

ния, это перифраз старой троцкистской формулы „без царя, а правительство рабочее", формулы, выдвинутой еще в период первой революции.

„Улицы Петрограда,— пишет Троцкий о Февральской революции,— снова заговорили языком 1905 года. Как и тогда, во время русско-японской войны, рабочие требуют хлеба, мира свободы. Как и тогда, не движутся трамваи и не выходят газеты. Рабочие выпускают пары из машин, покидают свои станки, выходят на улицы. Правительство выводит своих казаков. И опять, как в 1905 году, только эти две силы и видны на улицах столицы: революционные рабочие и царские войска".[1]

Троцкий вновь, как в 1905 году, не понимает значения переходного периода от демократической революции к социалистической, дает неверную оценку движущих сил революции, не замечает или игнорирует такую революционную силу, как крестьянство, и после падения царизма видит только две силы: „революционный пролетариат и либеральную буржуазию". Он поэтому считает, что его предвидение движущих сил и характера революции оправдалось, и если не оправдалось целиком, то только из-за осложнений, привнесенных в ход революции войной, спутавшей карты и оттянувшей революционный кризис на целых три года.

Благодаря войне миллионное крестьянство получило оружие и приобрело особый вес. „...Незрелость революции при совершенно своеобразных условиях, создан-

[1] Л. Троцкий — „1917 год", статья „У порога революции", стр. 3.

ных войною, вручала мелкобуржуазным революционерам руководство, или, по крайней мере, видимость руководства, состоявшего в том, что они защищали исторические права буржуазии на власть. Но это вовсе не значит, что русская революция могла итти только тем путем, каким она пошла с февраля по октябрь 1917 г. Этот последний путь вытекал не только из классовых отношений, но и из тех временных условий, какие создала война".[1]

По Троцкому получается, что крестьянство, поддержав пролетариат в его революционной борьбе, свалив вместе с ним и под его руководством царизм, было вместе с тем не положительным, а отрицательным фактором, не было движущей силой революции, а, напротив, затормозило революцию на восемь месяцев. Троцкий убежден, что ход революции могобы быть другим на тех же классовых основах", если бы не война и не крестьянство. Революция развивалась не по Троцкому", потому что, прежде чем пролетариат успел организоваться, — говорит он, — под своим знаменем, чтобы повести за собою массы деревни, мелкобуржуазные революционеры нашли естественную опору в возмущенной войной крестьянской армии".

Встав на плечи готовой организации, армии, мелкобуржуазные партии помогли пролетариату обороняя и его оборончество.

Троцкий совершает ряд ошибок в оценке февраля. Сопоставляя только две движущие силы — либеральную буржуазию и революционный пролетариат, Троцкий обнаруживает меньшевистскую переоценку роли

[1] Л. Троцкий — „1917 год", ст. „У порога революции", стр. 3.

буржуазии и меньшевистское же неверие в силы рабочего класса, в его способность вести за собой крестьянство. Либеральная буржуазия пришла к власти (частично) не потому, что из двух сил она оказалась лучше организованной и даже имела наготове заранее намеченное правительство из числа лидеров „прогрессивного блока", — организованность буржуазии позволяла ей только до поры до времени лавировать между Сциллой экзизма и Харибдой назревавшей революции, — а потому, что либеральная буржуазия была поддержана мелкобуржуазными партиями, эксплоатировавшими „добросовестное оборончество" крестьянских и рабочих масс.

Троцкий считает, что своеобразие Февральской революции, которую он рассматривает, как своего рода неудачный Октябрь, было вызвано настроениями крестьянства (армии), которое уже затем заразило оборончеством и рабочих. Анализируя эту концепцию Троцкого, Д. Кин справедливо замечает: „Но раньше нужно доказать, что оборончеством была заражена сплошь вся солдатская масса. Вот это-то и трудно сделать. Различные данные показывают обратное".[1]

В отличие от Троцкого, Ленин считает, что „добросовестное оборончество" было обусловлено тем, что политически неразвитые рабочие и крестьяне, вследствие своей „несознательности, рутины, забитости, неорганизованности", шли „за буржуазией", а вовсе не тем, что оборончески настроенные армии создали опорные пункты для мелкобуржуазного соглашательства и давили на пролетариат. Троцкий по-

[1] „Историк-марксист", т. IX, 1928, стр. 29.

меньшевистски отрицал возможность буржуазно-демократической революции под гегемонией пролетариата, по-меньшевистски отрицал перерастание — буржуазно-демократической революции в социалистическую, считал крестьянство контр-революционным классом и победу пролетариата связывал с непосредственным натиском западно-европейского пролетариата, овладевшего государственной властью. Ленинская мысль о возможности победы социализма „в немногих или даже в одной отдельно взятой стране" находилась в резком противоречии с троцкистским утверждением, что „установление прочного режима пролетарской диктатуры оказалось бы мыслимо только на протяжении всей Европы"... [1]

Мы уже видели, что, отвергая возможность буржуазно-демократической революции в России, Троцкий полагал, что Февральская революция могла и должна была стать непосредственно социалистической революцией. Ленин решительно возражал против подобной оценки Февральской революции. Ленин подчеркивал, что социализм в России непосредственно не осуществим.

„Ленинизм" Зиновьева.

Во время дискуссии с так называемой новой оппозицией в 1926—28 гг. Зиновьев пытался по-своему истолковать ленинскую оценку Февраля. Зиновьев делал такой вывод на основании документов, написанных Лениным в 1917 г. накануне отъезда в Россию:

---

[1]) Л. Троцкий — „1917 год", ч. III, статья „Программа мира", стр. 88.

„Россия — страна отсталая. Непосредственно начавши буржуазно-демократическую революцию, мы можем только превратить русскую революцию в „ступеньку" к пролетарской революции в Европе". [1] Зиновьев подчеркивал слово „ступенька", в подтверждение правильности взглядов „ленинградской оппозиции" (впоследствии влившейся в общетроцкистскую оппозицию): Ленин - де был против теории построения социализма в одной стране.

Посмотрим, что же на самом деле написал Ленин в том отрывке, который Зиновьев с таким торжеством цитирует.

„Русский пролетариат, — читаем мы у Ленина, — не может одними своими силами победоносно завершить социалистическую революцию". Как надо понять слова Ленина? Очевидно, Ленин здесь говорит о поддержке западно-европейского пролетариата как необходимой гарантии окончательной победы (а вовсе не как об условии возможности победы социализма в одной стране). Социализм в России непосредственно не осуществим, говорил Ленин в разъяснение апрельских тезисов, но „вполне осуществим и насущно необходим в результате такого рода переходных мер". Для большевиков не существовало непроницаемых перегородок, а тем более китайской стены между буржуазно-демократической и социалистической революцией. Обе революции тесно переплетаются между собой. „Отдельные частные элементы того и другого переворота переплетаются",— писал Ленин еще в 1905 г. [2]

[1] Г. Зиновьев — „Ленинизм", стр. 89.

[2] Ленин, собр. соч., т. VI, стр. 359-360.

Теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, разработанная Лениным еще в 1905 г., с одной стороны, октябрьские тезисы 1915 г. — с другой, и апрельские тезисы 1917 г., с третьей,— все эти этапы знаменуют путь развития, идейно-политического роста подлинного большевизма, а не путь „перевооружившегося" в 1917 году большевизма, как утверждает Троцкий, не путь разбольшевиченного большевизма.[1]

Ленин о Троцком.

Ленин, как известно, резко критиковал позицию Троцкого все годы — и до революции, и в начальный период Февральской революции, и даже после того, как Троцкий, ссылаясь на отсутствие серьезных разногласий между ним и большевиками, вошел в ряды партии.

Ленин в своих „Письмах о тактике" так отзывался о позиции Троцкого:

„Но не грозит ли нам опасность впасть в субъективизм, в желание „перепрыгнуть" через незавершенную — еще не изжившую еще крестьянского движения — революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической?

Если бы я сказал: „без царя, а правительство рабочее", эта опасность мне бы грозила. Но

[1] Троцкий считает, что отказ большевиков от лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в апреле 1917 года был объективно переходом Ленина на позицию троцкизма. „Под руководством т. Ленина большевизм совершил (не без внутренней борьбы) свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весной 1917 года, т.-е. до завоевания власти (Л. Троцкий — „1905", примечание ко второму изданию, 1922, стр. 285.)

сказал не это, сказал иное. Я сказал, что другого правительства в России (не считая буржуазного) не может быть помимо Советов рабочих, батрацких, солдатских и крестьянских депутатов". [1]

И далее:

„Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого перепрыгивания через неизжившее себя крестьянское или вообще мелкобуржуазное движение, от всякой игры в „захват власти" рабочим правительством, от какой бы то ни было бланкистской авантюры, ибо я прямо указал на опыт Парижской Коммуны. А этот опыт, как известно и как подробно показал Маркс в 1871 г. и Энгельс в 1891 г., совершенно исключил бланкизм, совершенно обеспечил прямое, непосредственное, безусловное господство большинства и активность масс лишь в мере сознательного выступления самого большинства". [2]

Ленин и Троцкий, судя по всем материалам, оценивали Февраль по-разному, несмотря на внешнее совпадение у них некоторых формулировок о роли буржуазии и задачах пролетариата в деле подготовки социалистической революции.

Попытка Троцкого спасти теорию permanentной революции могла быть произведена лишь ценою злостного искажения ленинизма, ценою извращения ленинского истолкования Февраля как „первого этапа первой (из порожденных войной) революции". [3]

---

[1] Ленин, собр. соч., т. XX, 2-е изд., стр. 104.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 5.

„Первый этап первой революции".

Февраль был прологом Октября. Вот ленинская оценка характера Февральской революции. Нужен был Октябрь, нужна была социалистическая революция, чтобы решить задачи, стоявшие перед рабочим классом в период Февральской буржуазной революции.

Ленин перечислял „главнейшие проявления, пережитки, остатки крепостничества в России к 1917 году": „монархия, сословность, землевладение и землепользование, положение женщины, религия, угнетение национальностей". Эти „авгиевы конюшни", подчеркивал он, остались в неприкосновенности и в период керенщины. Большевикам пришлось вычистить их начисто. „За какие-нибудь десять недель, начиная от 25 октября (7 ноября) 1917 г. до разгона учредилки (5 января 1918 г.),— писал Ленин,— мы сделали в этой области в тысячу раз больше, чем за восемь месяцев своей власти сделали буржуазные демократы и либералы (кадеты), мелкобуржуазные демократы (меньшевики и эсэры)". [1] „Мы решили вопросы буржуазно-демократической революции,— указывал Ленин в статье „К четырехлетней годовщине Октябрьской революции,— походя, мимоходом, как „побочный продукт" нашей главной и настоящей пролетарски-революционой социалистической работы". [2]

---

[1] Ленин, собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 364.

[2] Там, же, стр. 366.

Что читать.

В. И. Ленин, собр. соч., т. XX, 2-е изд., а также т. XVIII, ч. II, 1-е изд. („О нашей революции"), т. XX, ч. II („О восхождении на высокие горы").

С. Данишевский—„Опыт библиографии Октябрьской революции". Гиз, 1926.

„Рабочее движение в 1917 году", Гиз, 1927.

„Крестьянское движение в 1917 году", Гиз, 1927.

„Разложение армии в 1917 году", Гиз, 1927.

А. Шляпников—„Канун 1917 года", 2 части, и „1917 год", 3 части.

„Очерки по истории Октябрьской революции", 2 тома под ред. М. Н. Покровского (особенно статьи А. Сидорова Э. Генкиной и Югова), Гиз, 1927.

М. Н. Покровский—„Октябрьская революция", изд. Комакадемии, 1929.

С. Пионтковский—„Февральские дни 1917 года", „Прибой", 1927.

Е. Кривошеина—„Февральская революция", „Московский рабочий", 1926.

М. Гайсинский—„Февральская революция", „Молодая Гвардия", 1927.

Г. Ржанов—„Десятый февраль", Гиз, 1927.

Н. Суханов—„Записки о революции", 1919 (в меньшевистском духе).

Н. Авдеев—„Революция 1917 года", книги I и II, Гиз.

В. Максаков и Н. Нелидов—„Хроника революции", вып. I, 1923.

Заславский и Конторович—„Хроника Февральской революции" (меньшевистская).

В. Львов-Рогачевский—„Социалисты о текущем моменте“ (меньшевистская).
М. Родзянко—„Крушение империи“, „Прибой“, 1927 (белогвард.).
А. Блок—„Последние дни старого режима“.
С. Мстиславский—„Пять дней“ и „Гибель царизма“.
А. Шульгин—„Дни“ (белогвард.)
С. Алексеев—„Февральская революция“ (сборник по белогвардейским мемуарам).
„Падение царского режима“, стенографический отчет засе-
дания Чрезвычайной Комиссии Временного правительства по
расследованию противозаконных действий царских сановников.
„Петроградская общегородская и всероссийская
конференции РСДРП(б-в) в апреле 1917 года“, 1925.
Л. Троцкий—„1917 год“, т. III, ч. I, Гиз, 1925.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

I. Исторические истоки февраля 3

Новое после революции 1905 года. — Крепостническое самодержавие на ущербе. — „Последний клапан". — Русский империализм. — Мировая война. — Большевики в годы войны.

II. Решающие дни 19

Была ли Февральская революция стихийной? — Начало движения. Массовые стачки. — 23 февраля. Первые серьезные стычки с царизмом. — Революция и продовольственные затруднения. — 24 февраля. Перерастание экономических лозунгов в политические. От одной формы рабочего движения к другой, более высокой. — 25 февраля. К рабочей революции присоединяются солдатские восстания. — 26 февраля. Решающий день в позиции гарнизона. — Легенда о „мирном" характере Февральской революции. — Царь, правительство и Государственная дума. — Экспедиция ген. Иванова. — 27 февраля. Крах царизма. — Отречение Николая II. Судьба династии.

III. Двоевластие 47

Буржуазный центр. Временный комитет Государственнной думы. — „Бунт или не бунт?". — Образование Временного правительства. — Образование Совета рабочих и солдатских депутатов. Кому принадлежит идея и инициатива организации Совета. — Причины успеха меньшевистско-эсэровского блока. — Бессознательная доверчивость масс.

IV. О движущих силах революции и роли буржуазии . . 60

Причины оппозиционности буржуазии.— Планы дворцового переворота. Социально-классовое лицо заговорщиков.— Почему буржуазия взяла власть в свои руки?— Правое и левое крыло буржуазии.— Страх буржуазии перед революцией. Кадеты.— Движущие силы февральской революции. Союзники пролетариата.

V. Какая революция произошла в феврале 72

Стратего-тактический план большевизма.

Большевики до приезда В. И. Ленина в Россию.— Ленинский стратего-тактический план.— Октябрьские тезисы 1915 г. и апрельские тезисы 1917 г.— „Вся власть Советам".— „Против революционного оборончества". Братание.— За немедленную конфискацию земли.— Интернационал против шовинистов и „центра".— Ультра-левые. Почему был неверен лозунг „долой Временное правительство".— Правый уклон (группа Каменева).—„Мы на контроль не пойдем".— Февраль под углом зрения эсэров-меньшевиков.— Перевооружился ли большевизм?—„Ленинизм" Зиновьева.— Ленин о Троцком.— „Первый этап первой революции".

Что читать 105

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

1662 1656 97

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ПРОЛЕТАР»

Харьков, ул, Свободной Академии, 5. Тел. 24-57, 42-22, 79-12

БИБЛИОТЕЧКА ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ М. МЕБЕЛЯ, В. НЕВСКОГО И С. ПИОНТКОВСКОГО

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

1. *В. Зельцер* и *А. Гайсинович* — Дореформенная экономика. Стр. 160. Цена 60 коп.
2. *П. Парадизов* — Декабристы. Стр. 119. Цена 45 коп.
3. *А. Гайсинович* — Рабочий класс крепостной эпохи. Стр. 72. Цена 25 коп.
4. *Н. И. Ульянов* — Разинщина. Стр. 68. Цена 30 коп.

НАХОДИТСЯ В ПЕЧАТИ:

1. *Пионтковский* — Образование Российского Государства.
2. *Симонов* — Революция XVII века.
3. *Скубицкий*—Украина XVI-XVII вв.
4. *Дубина* — Хмельничина.
5. *Симонов* — Пугачевщина.
6. *Шебунин* — Внешняя политика конца XVII-XVIII вв.
7. *Меерсон* — Крепостное хозяйство XVII века.
8. *Мебель* — Радищев.
9. *Сабуров* — Общественные движения 40-50 гг.
10. *Невский* — Общественное движение 60-х гг.
11. *Гуревич* — Кирилло-Мефодиевское общество.
12. *Гуревич*— Крестьянская реформа.
13. *Эльвов*—Пореформенная деревня.
14. *Цвибак* — Создание крупной промышленности.
15. *Панкратова* — Рабочий класс и рабочее движение второй половины XIX века.
16. *Горев* — Народничество 70-х гг.
17. *Валк* — Народная воля.
18. *Анатольев* — Общественное движение 80 гг. и социал-демократия.
19. *Карпенко* — Драгомановщина.
20. *Адамов* — Внешняя политика царизма (с начала XIX века).
21. *Ципис* — Предпосылки революции 1905 года.
22. *Кривошеина* — Революция 1905 г. и советы.
23. *Степанов* — Социал-демократия в конце XIX и в начале XX вв. в России.
24. *Тейц* — Финансовый капитал.
25. *Галузо* — Колониальная политика XIX века царской России.
26. *Литвинов* — Столыпинщина.
27. *Берман*—Общественное движение эпохи реакции.
28. *Хвостов* — Раздел мира и царская Россия.
29. *Ерусалимский* — Война 1914—1917 годов.
30. *Ерусалимский* — Февраль.
31. *Пионтковский* — Октябрь.
32. *Игнатовский* — Белоруссия в XIX-XX в.в.
33. *Сеф* — Октябрь в Закавказьи.
34. *Галузо - Цвибак* — Туркестан в XVIII-XX вв

ЦЕНА 40 КОП.